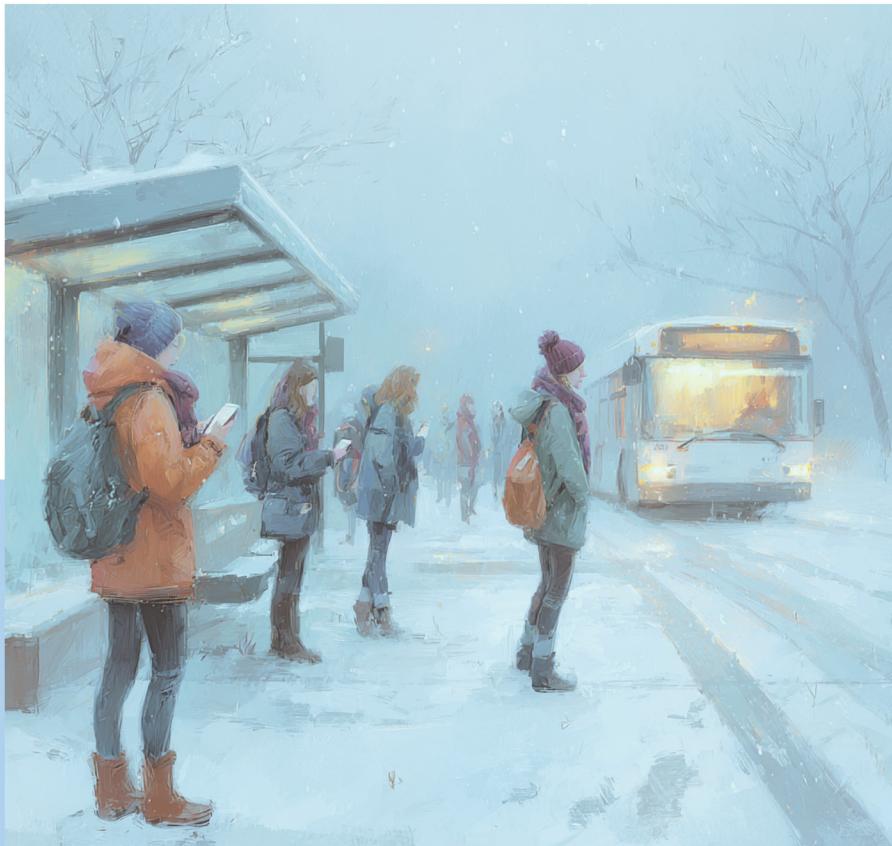

**МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ**

CXVI Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

И88

Главный редактор: И. Г. Ахметов

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов,
Н.М. Сараева, Т.К. Абдрасилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова,
В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуйкова,
Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда,
М.Г. Комогорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди,
С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина,
М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев,
А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова,
И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия),
К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина),
Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайч (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан),
А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан),
А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан),
Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан),
А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Коллак (Россия),
А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия),
Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина),
М.А. Нагервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия),
М.А. Прохофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия),
Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан),
М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А.Хоссейни (Иран),
А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

И88 **Исследования молодых ученых : материалы CXVI Междунар. науч. конф.**
 (г. Казань, январь 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой
ученый, 2026. — iv, 84 с.

ISBN 978-5-6054100-1-0.

В сборнике представлены материалы CXVI Международной научной конференции
«Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов,
а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6054100-1-0

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Богданова А.А.

Развитие градостроительства в малых городах 1

Данилко К.С.

Обелиски в архитектуре: история, символика и культурное значение 6

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шаназаров М.Б.Гонка технологических стандартов: 5G, искусственный интеллект,
киберпространство 13

ЭКОНОМИКА

Саая А.В.Социально-экономические показатели оценки эффективности
инновационной деятельности в Республике Тыва 18**Шауя Цзигээр**Фиджитализация услуг: теоретическое уточнение и аналитический
потенциал для региональных исследований 23

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Зайцев М.М.Современные проблемы технологии определения границ водных объектов
и границ зон с особыми условиями использования территорий 28**Зайцев М.М.**Ранжирование водных объектов для приоритетного установления
их границ и границ зон с особыми условиями использования территорий
на примере Новобурасского муниципального района Саратовской
области 32

СОЦИОЛОГИЯ

Калашников Д.В.

- Обзор существующих подходов к определению управленческого конфликта в социологии управления 39

ПСИХОЛОГИЯ

Мисирёва А.С.

- Исследование психоэмоциональных состояний женщин после родов.... 48

ПЕДАГОГИКА

Грекова А.А., Киктева Ю.Г., Ренкунас М.В.

- Воспитание гражданственности и патриотизма в рамках реализации курса внеурочной деятельности «Разговоры о важном» (на примере классов «Волжаночка» МОУ гимназия № 9 г. Волгограда) 55

Грязнова Ю.П.

- Особенности организации логопедической работы по развитию лексики у старших дошкольников с общим недоразвитием речи 60

Зонина Н.С.

- К вопросу о трудностях адаптации первоклассников с задержкой психического развития 66

Мягкова М.С.

- Проблема формирования лексического навыка на уроках иностранного языка в основной школе 71

Федорова А.С.

- Нейропсихологические игры как средство развития высших психических функций на логопедических занятиях с детьми с ОВЗ 75

Хайруллова Э.Р., Валишина Д.А.

- Мастер-класс по декоративно-прикладному искусству как эффективная форма развития творческих способностей личности 79

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Развитие градостроительства в малых городах

Богданова Алина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Никитина Татьяна Александровна, кандидат технических наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье описаны особенности развития градостроительства в малых городах Российской Федерации, определены основные факторы, способствующие росту и развитию малых городов.

Ключевые слова: малые города, задачи Президента РФ, градостроительство, градостроительный потенциал, улично-дорожная сеть, плотность застройки, архитектурно-художественные требования к застройке городов.

В последние годы развитие градостроительства в малых городах становится все более актуальной темой в контексте социально-экономического развития. Малые города, обладая уникальными культурными и историческими особенностями, сталкиваются с рядом вызовов, таких как миграция населения, недостаток инвестиций и ухудшение инфраструктуры.

Целью работы является рассмотрение ключевых аспектов градостроительства в малых городах, включая планирование территорий, создание комфортной городской среды, развитие общественного транспорта и инфраструктуры.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- познакомиться с задачами Президента РФ Путина В. В. и Правительства РФ по программе пространственного развития России;
- определить основные факторы, способствующие росту и развитию малых городов;

В настоящее время в России число малых и средних городов является преобладающим. Вполне логично направить силы на развитие населенных пунк-

тов и предотвратить миграцию населения, чтобы соблюдался баланс расселения по территориям страны.

Президент РФ В. В. Путин в 2018 году поставил задачу — «развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов». Из общего числа населённых мест Российской Федерации, которые должны быть охваченными этой программой, выделяется, в силу своей специфики, огромная и весьма многообразная категория «поселений» — малые (до 50 тыс. жит.), средние (50–100 тыс. жит.), города и посёлки городского типа, всего сегодня более 2 тысяч (2121) населённых мест с 33 миллионами граждан Российского государства. Малые, средние города и посёлки городского типа — это явление, сам масштаб которого не может не вызывать при решении поставленной Президентом задачи самого серьёзного отношения со стороны власти и общества. Их роль и значение в социально-культурной, экономической и пространственной структурах России уникальны и многообразны. Основополагающим для определения судьбы малых городов является тезис Президента Российской Федерации: «Активная, динамичная жизнь России, с её огромной территорией, не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах». [1].

Подтвердив бесспорную истину о том, что, чем меньше населенный пункт, тем труднее и дороже наладить в нем современную благоустроенную жизнь, премьер М. В. Мишустин «перевернул с головы на ноги» привычную либеральную логику выводом о том, что естественная задача государства — сделать так, «чтобы люди не уезжали из родных мест, а оставались там работать, создавать семью». Во Владивостоке он прямо заявил: «улучшение жизни в малых городах и исторических поселениях является стратегическим приоритетом для государства, без чего невозможно достичь национальных целей развития, которые поставлены перед нами Президентом» [2].

Современные города в основном развиваются на месте исторически сложившегося населенного пункта. Сочетание исторической и современной застройки, старой и новой технологий приводят к проблеме, что небольшие исторические города часто не имеют высокого градостроительного потенциала и почти не развиваются [4].

Городской центр всегда имеет притяжение у приезжих и туристов. Хорошо, когда город имеет историческую ценность и можно создать музеи под открытым небом. Однако, иногда в силу своего месторасположения или непоправимости утрат населенный пункт не может претендовать на звание исторического, культурного или туристического центра. Если нет какой-то туристической

ценности у города, то нужны многолетние и последовательные усилия градостроителей для того, чтобы тактично включить новые объекты в контекст сохранившейся исторической застройки и за счет этого создать утраченное качество среды и преодолеть градостроительные застои. Часто за основу города берут старые постройки, и они становятся своеобразным центром, вокруг которого начинаются строительство новых домов [5].

Основным фактором, определяющим рост малых городов, является какое-либо градообразующее предприятие, то есть необходимо предусмотреть возможность промышленного строительства. Для размещения новых предприятий можно рассматривать использование малых и средних поселений, так как производственные объекты нецелесообразно размещать в крупных городах. Как правило, основное трудоспособное население устраивается на работу в ведущие предприятия различных отраслей промышленности, а мелкие организации испытывают нехватку сотрудников. Однако стоит обратить внимание и на то, что многие малые города, несмотря на наличие благоприятных условий для производства все еще недостаточно вовлечены в процесс преобразований. Во многих крупных городах строятся промышленные предприятия больших масштабов, что является следствием неравномерного распределения средств — многие предприниматели предпочитают устраивать свой бизнес в крупных городах. По нашему мнению, пропорциональное распределение производственных мощностей поможет разгрузить крупные города и даст возможность развития малым [3].

Наряду с этим, промышленное строительство не является единственным путем развития малых городов. При проектировании перспективного плана развития города необходимо обратить внимание на то, что старая сложившаяся планировочная структура городов и их улично-дорожная сеть не в состоянии быстро подстроиться под то количество транспорта, которое возрастет с увеличением численности населения. Грамотно продуманная улично-дорожная сеть поможет избежать загруженности дорог и магистралей, большого количества автомобильных пробок, столпотворения и теснения на тротуарах и автобусных остановках. При градостроительном проектировании необходимо предусмотреть развитие инфраструктуры для пешеходов, велосипедистов и общественного транспорта. Нельзя забывать о рекреационных и зеленых зонах населенного пункта, а также предусматривать меры защиты от шума [6].

Стоит также учесть, что эффективность улично-дорожной сети и общественного транспорта сокращается пропорционально плотности застройки. И вот здесь возникает новая проблема. В течение нескольких десятилетий новые дома

и районы обстроят старые постройки, и застройщики начнут «заглядываться» на исторически сложившийся центр города. Возникают различные конфликтные ситуации, когда люди, пытаясь защитить историю, вносят свои правила использования территории и огораживают какую-то часть поселения от поглощающей силы новой застройки, делая её частной территорией или запрещая въезд транспортных средств. Поэтому архитекторам и градостроителям нужно со всей внимательностью относиться к формированию городской среды [5].

Важной составляющей является архитектурно-художественное требование к застройке — внешний вид, форма, цвет, высота и т. п. объектов должны соответствовать не только их функциональному назначению, но и окружающей застройке и природной среде. Сохраняя старую планировочную структуру от разрушения, мы на самом деле начинаем создавать новую, отвечающую масштабам современного, развивающегося города. Так мы формируем подходящую городскую среду и создаем уют в месте, где живем [5].

Создание рекреационных зон и зон для отдыха являются тоже одним из обязательных условий при градостроительном зонировании. Города должны иметь парки, городские леса, аллеи, бульвары, набережные естественных и искусственных водных объектов, где можно вдохнуть глоток свежего воздуха, почувствовать запах цветов, прикоснуться к природе. Соблюдение норм градостроительства по озеленению территорий нужно, чтобы было достаточно мест для прогуливающейся публики, мамочек с колясками, для отдыха детей и взрослых. В качестве примера приведем водно-зеленый диаметр города Минска в Белоруссии. К созданным заново после войны паркам добавилась искусственно созданная река с живописно организованными берегами, вдоль которых разрастался парк, плавно переходящий в сады окрестных микрорайонов [5].

Немаловажно и формирование досуговой среды для населения города. Потребность в досуге — это неотъемлемая часть социального развития человека. Проектирование, организация и рассредотачивания по территории города клубов, домов культуры, учреждений дополнительного образования для детей и подростков, спортивных организаций, заведений общественного питания является важной задачей градостроителей [5].

По проведенному исследованию можно сделать следующие выводы:

- необходимо разработать современные градостроительные модели, которые будут способствовать формированию комфортных условий проживания;

- важно предусмотреть компактность и доступность города, так как при этом обеспечивается высокая доступность рабочих мест и учреждений социальной инфраструктуры;
- необходимо сохранять природную привлекательность и историческую индивидуальность городов;
- при развитии малых городов необходима модернизация городской инфраструктуры.

При разных сценариях пространственного развития малые города и сельские территории оказываются в худших базовых условиях по сравнению с агломерациями, поэтому их развитие является одной из первостепенных задач современного общества [5].

Литература:

1. Марков, Е. М. Значение и пути развития малых (небольших) городов в Программе пространственного развития России / Союз малых городов Российской Федерации // URL: <https://smgrf.ru/znachenie-i-puti-razvitiya-malyh-nebolshih-gorodov-v-programme-prostranstvennogo-razvitiya-rossii/>. (Дата обращения 18.03.2024).
2. Делягин, М. Правительство Мишустина взялось за развитие малых городов. // URL: <https://dzen.ru/a/ZMKIJ9uWOBHoi4s5>. (Дата обращения 18.03.2024).
3. Градостроительные основы развития малых населенных мест. Сельское расселение и города-центры Нечерноземной зоны РСФСР: монография / Е. М. Марков [и др.]. — Москва: Стройиздат, 1989. — 417с.
4. Пути развития малых и средних городов центральных районов СССР / Госплан СССР, Совет по изучению производит. Сил; отв. ред. Д.Г. Хождаев. — М.: Наука, 1967. — 207 с.
5. Гутанов А.Э., Глазычев В.Л./Мир архитектуры: Лицо города. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 350 с. ил. — (Эврика).
6. Вучик В. Р. Транспорт в городах удобных для жизни: Территория будущего. 413 с.

Обелиски в архитектуре: история, символика и культурное значение

Данилко Катерина Станиславовна, студент

Научный руководитель: Никитина Татьяна Александровна, кандидат технических наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
(г. Архангельск)

В статье обобщены представления исследователей о причинах установки обелисков и сделаны выводы о их значениях в культурной, духовной и политической жизни общества.

Ключевые слова: обелиск, объемно-декоративная форма, социальное и религиозное значение, символ.

Обелиск — уникальное архитектурное сооружение, которое существует с древнейших времен и отличается своей строгой вертикальной формой. Этот объект архитектуры встречается во многих культурах по всему миру, и каждый из них несёт в себе определенные религиозные или культурные функции.

Целью исследования является изучение истории, значения и предпосылок применения обелисков в мировой архитектуре.

Задачи исследования:

- изучить историю возведения обелисков;
- обобщить представления исследователей о причинах установки обелисков;
- сделать выводы о их значениях в культурной, духовной и политической жизни общества.

История обелисков начинается с возникновением первых цивилизаций. В процессе формирования городов и развития городской архитектуры возникала необходимость в создании объемно-декоративных форм, которые несли бы социальные или религиозные значения для общества. Образцами для таких архитектурных форм послужило наследие первобытных обществ, такие как менгиры [3].

Первоначально обелиски расценивались, как символические лучи солнца и получили своё распространение в Древнем Египте, где назывались «такену», что означает солнечный луч. Верхушки обелисков покрывали медными или золочёными листами, которые сверкали в лучах солнца.

Термин «обелиск» (от древнегреческого «օβελίσκος» — расколотый, остроконечный столб) впервые применил Геродот в своих работах по описанию

истории Древнего Египта [6]. Египетские обелиски отличались своей строгой геометрической формой и тяжестью материала, так как они представляли собой четырёхгранные монументы при храмах из цельного куска камня символично сужающиеся сверху в виде пирамиды. Каждая сторона обелиска была исписана иероглифами, а верх сооружения покрывали сплавом серебра и золота [5].

До сих пор неизвестно, сколько обелисков стояло в Египте и каково их предназначение. Одни исследователи считают, что это символ божественной власти фараонов, другие — что это символ плодородия, третьи выдвигали версию, что обелиски являлись простейшими астрономическими инструментами для определения высоты Солнца — гномонами. Современные египтологи определяют четыре главные причины установки обелисков: покорение царем чужого народа, демонстрация процветания государства, а также в качестве специфической дани или подношения для богов в благодарность за содеянные блага [7].

Одними из самых известных обелисков Древнего Египта являются «Иглы Клеопатры» (рис. 1), состоящие из трёх монументов высотой 18–21 м. Первоначально они располагались при храме Солнца в городе Гелиополь. В настоящее время два из них находятся в Лондоне и Нью-Йорке [5]. Также во времена Античности многие другие египетские обелиски были перевезены по морю в Рим как символ завоевания египетской цивилизации и превосходства над остальным миром [2]. Современное местонахождение этих монументов свидетельствует о том, что обелиски имеют высокое культурное значение как для самого Египта, так и для других культур. До сих пор они являются символом величия древней цивилизации и мастерства древнеегипетских архитекторов.

Рис. 1. «Иглы Клеопатры» — Лондон (Англия), Нью-Йорк (США), Каир (Египет)

В России распространение обелисков началось с времён правления Екатерины II, так как в эпоху классицизма достаточно развитой становится садово-парковая архитектура. Монументы возводили в честь грандиозных военных побед Российской империи. Например, Кагульский (Румянцевский) обелиск в Екатерининском парке Царского Села в Санкт-Петербурге (рис. 2) был создан итальянским архитектором Антонио Ринальди и установлен в честь победы русских войск под командованием графа П.А. Румянцева в сражении при Кагуле 21 июля (1 августа) 1770 года, во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. [5]. Памятник имеет высоту более 10 метров. Обелиск отличается своей строгостью линий и пропорциональностью, что соответствует канонам классицизма. Однако главной особенностью памятника архитектуры является колорит материалов, который символизирует силу и героизм русской армии: красный (розовый) гранит, сине-серый (сибирский) и красный (тибетский) мрамор.

Рис. 2. Кагульский обелиск (г. Санкт-Петербург)

Российские обелиски эпохи классицизма увековечивают величие русского народа и являются символом национальной гордости. Главными назначениями этих памятников являются формирование патриотизма народа и сохранение культурного наследия страны.

Во время СССР архитектура, как и любое другое искусство в стране, подвергается огромному влиянию коммунистической идеологии. Для её распространения советская власть огромное внимание уделяет местам массо-

вого досуга: парки, площади, скверы. Именно поэтому почти с самых первых лет пропаганды используется такая малая архитектурная форма, как обелиск [3]. В 1918 году в Москве на советской площади возводится обелиск Советской Конституции высотой 26 метров в стиле неоклассицизма архитектором Д. П. Осиповым и скульпторами Н. Андреевым и Б. Лавровым (рис. 3). С четырех сторон монумента располагались скульптурные арки, а под главной из них была пристроена фигура женщины, держащая в руке земной шар. В трёх других арках располагались щиты с текстом первой советской конституции.

Рис. 3. Монумент Советской Конституции (Москва)

В городе Архангельске в честь образования Северного края в 1930 г. установлен обелиск Севера (рис. 4). Пьедестал украшен барельефами, отражающими основные направления в развитии народного хозяйства Севера: лесозаготовку, лесопиление, рыболовство, молочное животноводство и оленеводство. Перед обелиском на том же пьедестале установлена скульптурная группа — помор с северным оленем. Программный характер тех лет выражен словами, начертанными на одной из граней обелиска: «Пролетарской волей и напором край суровый и отсталый превратим в индустриальный новый Север». Размещение четырёхгранного обелиска на пятиугольном постаменте выражало, по замыслу автора скульптора И. К. Алтухова, лозунг советского времени: «Пятилетку — в четыре года!». [4]

Рис. 4. Обелиск Севера (г. Архангельск)

Рис. 5. Обелиск Победы (г. Москва)

В послевоенное время в СССР обелиски возводятся как памятники памяти о погибших солдатах, в честь победы над фашизмом и народного единства СССР. Примером таких памятников может служить монумент Победы

в Москве (рис. 5), спроектированный скульптором Зурабом Церетели и архитекторами Леонидом Вавакиным и Владимиром Будаевым. Он представляет собой огромный солдатский штык. Архитектурный объект является самым высоким памятником в России — его высота составляет 141,8 м [1].

Обелиски эпохи СССР в первую очередь отражали идеологию тоталитарного времени, несли в себе символы коммунизма. Также советские монументы служат символами победы, независимости, единства народа, толерантности, могущества страны. Множество таких памятников является местом коллективной памяти о Великой Отечественной войне и её героях.

Таким образом, можно сделать вывод, что обелиск как архитектурная форма на протяжении тысячелетий обладал грандиозным культурным значением, играл огромную роль в политической и духовной жизни общества. Его высокая архитектурная форма обусловлена его значимостью и важностью. Главными символами монументов являются торжественность, победа, память, единство, стремление, героизм и другие. Обелиски до сегодняшних дней отражают достижения своего времени, культурные аспекты жизни народов, способствуют увековечиванию памяти древним цивилизациям, событиям и героям войн, символизируют власть и могущество государств и народов.

Литература:

- Гацунаев, К. Н. Героико-патриотические мотивы в московской архитектуре 1940–1950 гг. / К. Н. Гацунаев // Вестник МГСУ. — 2015. — № 8. — С. 18–29. — ISSN 1997–0935. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/298563> (дата обращения: 12.03.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
- Куликов, А. С. История архитектуры: учебное пособие: в 3 частях / А. С. Куликов. — Тамбов: ТГТУ, 2017 — Часть 3: История градостроительства — 2017. — 138 с. — ISBN 978-5-8265-1797-0. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/319859> (дата обращения: 10.03.2025).
- Лосева Е. С. Выражение тоталитарной государственной стратегии в российских архитектурно-символических практиках периода 1930–1950-х годов // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. № 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-totalitarnoy-gosudarstvennoy-strategii-v-rossiyskih-arhitekturno->

- simvolicheskikh-praktikah-perioda-1930–1950-h-godov (дата обращения: 11.03.2025).
4. Никитина Т.А. Советский конструктивизм в Архангельске / Т.А. Никитина // Строительная наука-2014: теория, образование, практика, инновации: Сборник трудов Международной научно-технической конференции., г. Архангельск, 22–23 мая 2014 г. / Ред. колл.: Лабудин Б. В. и др. — Архангельск: Изд-во ООО «Типография «ТОЧКА», 2014. — 427 с. — С. 283–295.
 5. Свердлов, Г. В. Теория и практика создания декоративной объемной формы для городской среды: учебное пособие / Г. В. Свердлов, Н. В. Малышева. — Иркутск: ИРНИТУ, 2020. — 80 с. — ISBN 978-5-8038-1502-0. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/325022> (дата обращения: 09.03.2025).
 6. Spartak A.A. Древнеегипетские обелиски в историографии к. XIX — н. XX вв. // Журнал Белорусского государственного университета. История. — 2017. Текст: электронный // Elibrary: электронно-библиотечная система. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34968324> (дата обращения: 09.03.2025).
 7. Spartak, A.A. Назначение древнеегипетских обелисков (согласно текстам надписей на обелисках XVIII и XIX династий) / A.A. Spartak // Журнал Белорусского государственного университета. История. — 2019. — № 2. — С. 57–70. — ISSN 2520–6338. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/310982> (дата обращения: 09.03.2025).

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гонка технологических стандартов: 5G, искусственный интеллект, киберпространство

Шаназаров Махмуд Бахтиярович, студент

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова

В статье рассматривается эволюция и современные особенности гонки технологических стандартов между ведущими мировыми центрами — США, Китаем и Россией — на примере развития технологий 5G, искусственного интеллекта и регулирования киберпространства. Проведен сравнительный анализ стратегических документов, национальных инвестиционных политик и инфраструктурных решений, а также особенностей взаимодействия с мировыми рынками в технологической сфере. Показывается, как технологическая политика становится инструментом не только научного прогресса, но и геоэкономического соперничества.

Ключевые слова: гонка стандартов, искусственный интеллект, 5G, кибербезопасность, технологический суверенитет, США, Китай, Россия, национальная безопасность.

Гонка за технологическое первенство в сфере ИИ, новых стандартов связи и управления киберпространством становится центральной темой глобальной политики и экономики XXI века. За последние годы мы наблюдаем смену парадигмы: научно-технический прогресс уже не сводится к глобальному обмену знаниями, а приобретает выраженные черты межгосударственного соперничества. Крупнейшие державы стремятся закрепить их как глобальные. На примере противостояния США, Китая и России проявляется новый тип международных отношений — технологический неомеркантилизм, где стратегией становится управление их распространением и контролем над критической инфраструктурой [1].

После окончания холодной войны технологические приоритеты ведущих держав существенно изменились. В 1990-х США сделали акцент на раз-

витии ИКТ, высокой точности вооружения и создании суперкомпьютеров. Технологическое лидерство рассматривалось как ключ к обеспечению национальной безопасности и экономического процветания. Китай и Россия в этот период сталкивались с необходимостью преодоления внутренних экономических и институциональных барьеров, модернизации научной базы и поддержания кадрового потенциала [2].

С началом XXI века предмет конкуренции сместился в сторону ИКТ, интернета и телекоммуникаций, а на первый план вышли вопросы кибербезопасности и развития критических инфраструктур. США становятся лидером в разработке прорывных цифровых решений — сначала в программном обеспечении и plataформах, позже в ИИ и 5G, поддерживая мощную систему инвестиций в НИОКР. Стратегические документы различного периода отражают адаптацию национальных приоритетов к переменам — от глобального контроля до усиления собственной технологической самостоятельности [3].

Китай реализует грандиозную программу трансформации — от мировой фабрики к лидеру инноваций и разработок. В стратегических планах КНР (программы «Сделано в Китае», пятилетние планы) определен курс на минимизацию технологической зависимости и продвижение китайских стандартов на мировую арену. Главный акцент — развитие ключевых сквозных технологий (ИИ, Big Data, телекоммуникаций), широкое внедрение 5G и предстоящий переход к 6G [4].

Россия, проходя сложный путь структурной модернизации, определяет в качестве приоритета обеспечение технологического суверенитета. Принятые стратегические документы (Концепция технологического развития до 2030 г., Национальная стратегия научно-технологического развития) подчеркивают необходимость перехода от импортозависимости к созданию собственных стандартов и систем управления знаниями.

Соединённые Штаты традиционно лидируют в ИИ и инфраструктуре 5G за счёт концентрации инвестиций и уникальных возможностей привлечения мировых талантов. К 2025 году государство и ведущие ИТ-гиганты демонстрируют рекордные вложения (более 100 млрд долларов венчурного капитала в первом полугодии 2025 г.), интегрируя ИИ в промышленность, здравоохранение, оборону и сервисы. Приоритетным становится и развитие «умных» дата-центров и облачных сервисов [5].

Китай делает ставку на массовое внедрение собственного ИИ и национальных стандартов связи (5G/6G). Стратегия развития ИИ ориентирована на открытость: государство и частный сектор инвестируют в open source продукты

(модели DeepSeek, Alibaba, Moonshot и пр.), позволяя быстро масштабировать решения.

Значительная часть венчурного и государственного финансирования идёт в промышленную автоматизацию, робототехнику, развитие цифрового и киберпространства. Китайские технологии вырастают на основе обширных государственных и частных данных — это даёт серьезное преимущество в создании комплексных экосистем.

Российская модель технологического развития формируется под влиянием внешних ограничений: страна проводит масштабную программу импортозамещения и интенсификации внутренних инноваций. В стратегических документах последнего десятилетия закреплены переход к национальным стандартам связи (отечественная 5G-инфраструктура), развитие защищённых информационных систем, приоритеты суворенного ИИ и киберзащиты.

Ограниченные ресурсы и риски «утечки мозгов» компенсируются государственным стимулированием исследовательских центров, образовательных программ и поддержкой ИТ-компаний. Особенность российской системы — сильная роль государства как главного заказчика и инвестора, а также формирование механизмов межведомственного управления технологическим развитием.

Наблюдается рост экспорта инновационной продукции, однако внутренняя зависимость от иностранных решений всё ещё велика, а инвестиции в НИОКР составляют пока менее 2% ВВП.

Американская практика сохраняет разрыв между быстро развивающимся ИИ и институциональным развитием законодательства: судебные споры вокруг лицензионных соглашений, прав на обучение языковых моделей всё еще остаются нерешёнными.

Китайские суды, напротив, официально допускают использование данных для обучения ИИ как не нарушающее прав правообладателей. Гибкое IP-законодательство позволяет быстро масштабировать процессы обучения ИИ и ускорять разработку новых решений [6].

В России постепенно вырабатывается собственная правоприменительная практика, а также формируются специальные реестры и механизмы защиты критических технологий, однако системные сложности и фрагментация институтов пока ограничивают эффективность подобных мер.

Переход к открытому ИИ становится для Китая политическим решением, нацеленным на глобализацию своих стандартов и снижение зависимости развивающихся стран от американских платформ. США же признают потенциал открытых решений, но зачастую монетизируют топовые модели и инфраструк-

туру. Сдвиг в сторону открытости в США наблюдается лишь после появление успешных кейсов китайских конкурентов.

Россия ориентируется на создание собственных инструментов и поддержку свободного ПО, видя в этом путь к снижению санкционных рисков и формированию независимой технологической среды.

США исторически выигрывали в глобальной битве за таланты, но усиление визовых ограничений и конкуренция со стороны китайских и европейских образовательных программ ослабляют эти позиции. Китай реализует программы репатриации учёных и специалистов, а также делает акцент на масштабах STEM-образования внутри страны. Россия, напротив, вынуждена бороться за сохранение высококвалифицированных кадров, расширяя государственные гранты и поддержку молодых специалистов.

С точки зрения инфраструктуры, США и Китай активно строят новые data-центры, национальные облака и ЦОД, решая как задачи масштабирования ИИ и телеком-инфраструктуры, так и энергетического обеспечения отрасли. В КНР сдерживающим фактором остается дефицит новейших чипсов, что усиливает давление на внутреннее производство полупроводников. Для США вызовом становятся растущие энергозатраты, и принимаются меры по развитию альтернативных источников энергии [7].

Технологическая гонка между крупнейшими державами мира — США, Китаем и Россией — выходит за узкие рамки экономической конкуренции, формируя новые контуры геостратегического соперничества. Каждая страна выстраивает собственную модель инновационного развития и корректирует баланс открытости и протекционизма. В ближайшие годы именно ускорение национальных программ в ИИ, 5G и регулировании киберпространства определит характер глобальных технологических альянсов и систем безопасности.

Литература:

1. Волошенко, К. Ю. (2024). Экономическая безопасность как фактор экономического развития российского эксклава в национальных интересах. Балтийский регион, 16 (4), 31–50. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2>.
2. Данилин, И. В., Селянин, Я. В. (2023). Гонка нанометров: американская политика в отношении Тайваня и Республики Корея. Мировая экономика и международные отношения, 67 (11), 80–88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-80-88>.

3. Капогузов, Е. А., Пахалов, А. М. (2024). Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами. Журнал Новой экономической ассоциации, (3 (64)), 244–250. http://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_244-250.
4. Mochinaga, D. (2020). The expansion of China's digital silk road and Japan's response. Asia Policy, 15 (1), 41–60. <https://doi.org/10.1353/asp.2020.0005>.
5. Mola, L. (2023). Fostering «European Technological Sovereignty» Through the CSDP: Conceptual and Legal Challenges. First Reflections Around the 2022 Strategic Compass. European Papers-A Journal on Law and Integration, 8 (2), 459–474. <https://doi.org/10.15166/2499-8249/667>.
6. Murphy, K. M., & Topel, R. H. (2013). Some Basic Economics of National Security. American Economic Review, 103 (3), 508–511. <https://doi.org/10.1257/aer.103.3.508>.
7. Okhrimenko, I., Stepenko, V., Chernova, O., & Zatsarinnaya, E. (2023). The impact of information sphere in the economic security of the country: Case of Russian realities. Journal of Innovation and Entrepreneurship, 12 (1), 67. <https://doi.org/10.1186/s13731-023-00326-8>.

ЭКОНОМИКА

Социально-экономические показатели оценки эффективности инновационной деятельности в Республике Тыва

Саая Ай-кыс Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Донгак Чейнеш Геннадиевна, кандидат экономических наук, доцент

Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

В статье рассматриваются основные подходы и методы оценки эффективности инновационных процессов в регионе, предлагается система показателей, позволяющих комплексно оценить влияние инноваций на экономическое развитие Республики Тыва. Оценка эффективности инновационной деятельности является важной задачей для любого региона, особенно такого уникального, как Республика Тыва.

Ключевые слова: инновационная деятельность, эффективность, показатели, оценка, потенциал.

Введение

Республика Тыва расположена в центре Азии и обладает значительным природным потенциалом, богатым культурным наследием и благоприятными условиями для развития туризма. Однако регион сталкивается с рядом проблем, включая низкую производительность труда, ограниченные возможности для инвестиций и недостаток квалифицированных кадров. Инновационная деятельность рассматривается как ключевой фактор повышения конкурентоспособности экономики региона [2].

Цель: разработка системы показателей, отражающих социальные и экономические последствия внедрения инноваций в экономике Республики Тыва.

Методы исследования

Методология включает сравнительный анализ лучших практик регионов Российской Федерации и зарубежных стран, а также статистический анализ имеющихся данных. Используются количественные и качественные методы

анализа, позволяющие выявить взаимосвязи между различными показателями и оценить степень влияния инноваций на экономику региона [3].

Основные этапы исследования [5]:

1. Анализ существующих подходов к оценке эффективности инновационной деятельности.
2. Выявление специфики экономического развития Республики Тыва.
3. Разработка системы показателей для оценки инновационной активности.
4. Проведение эмпирического исследования с использованием статистических методов.
5. Формулирование рекомендаций по повышению эффективности инновационной деятельности.

Основные социально-экономические показатели оценки инновационной деятельности

Анализ существующих подходов позволил выделить ключевые группы показателей, применяемых для оценки инновационной активности в регионах России [7]:

Группа I. Показатели научно-технического уровня экономики

- Количество организаций, занимающихся исследовательской деятельностью.
- Объем финансирования научных исследований и разработок.
- Число патентов и зарегистрированных изобретений.

Группа II. Экономические показатели эффективности инноваций

- Удельный вес продукции высокотехнологичных отраслей в общем объеме производства.
- Уровень внедрения новых технологий предприятиями.
- Рост производительности труда за счет инноваций.

Группа III. Социальные эффекты инноваций

- Изменение качества рабочей силы (уровень образования работников).
- Улучшение условий жизни населения (например, экологическое состояние, доступность медицинских услуг).
- Увеличение занятости населения вследствие реализации инновационных проектов.

Эти группы охватывают широкий спектр аспектов, влияющих на оценку инновационной деятельности, однако специфика каждого региона накладывает отпечаток на значимость отдельных критерииев.

Особенности оценки инновационной деятельности в Республике Тыва

Регион обладает специфической структурой экономики, зависящей преимущественно от природных ресурсов и аграрного сектора. Это обстоятель-

ство определяет необходимость учета особенностей хозяйственного уклада и культурных традиций коренного населения при разработке методик оценки инноваций.

Так, особое внимание уделяется следующим направлениям:

- Развитие экологически чистых технологий в сфере животноводства и сельского хозяйства.
- Использование современных цифровых решений для повышения доступности социальных услуг населению отдаленных районов республики.
- Поддержка малого бизнеса путем стимулирования местных инициатив в области ремесел и народных промыслов.

Несмотря на наличие ряда позитивных примеров успешного внедрения инноваций, остается ряд проблем, ограничивающих дальнейшее развитие инновационной среды [8]:

- Недостаточная развитость инфраструктуры для поддержки науки и техники.
- Низкий уровень вовлеченности частного капитала в финансирование инноваций.
- Ограниченные возможности привлечения квалифицированных кадров из-за удаленности региона.

Результаты исследования

Анализ показал, что основными факторами, влияющими на эффективность инновационной деятельности в Республике Тыва, являются уровень квалификации рабочей силы, доступность финансовых ресурсов и поддержка государства. Предложенная система показателей позволяет оценивать вклад инноваций в экономический рост, повышение уровня занятости населения и улучшение качества жизни.

Ключевые показатели включают:

- Уровень инновационной активности предприятий.
- Объем инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.
- Количество патентов и изобретений.
- Рост производительности труда.
- Увеличение доли высокотехнологичных продуктов в экспорте.
- Улучшение условий труда и повышение заработной платы работников.

Эти показатели позволяют объективно оценить воздействие инноваций на социальную сферу и экономику региона.

Рекомендации по повышению эффективности инновационной деятельности

Чтобы повысить эффективность управления инновациями в Республике Тыва, предлагается комплекс мер, направленных на совершенствование системы оценки:

— Повышение прозрачности отчетности организаций, участвующих в инновациях.

— Расширение перечня оценочных показателей, включающих социальный эффект инноваций.

— Организация регулярных конференций и семинаров для обмена передовым опытом между субъектами хозяйственной деятельности региона.

Также целесообразно внедрить систему регионального рейтинга предприятий по уровню инновационности, основанную на объективных показателях и прозрачных критериях отбора лучших практик [4].

Заключение

Исследование показало, что эффективное управление инновационным развитием возможно только при условии наличия четких механизмов оценки результатов инновационных мероприятий. Для Республики Тыва особую важность приобретает учет региональной специфики и разработка уникальных подходов к оценке, учитывающих особенности экономического и социального устройства региона.

Эффективная система оценки позволит региону своевременно выявлять слабые места и активно развивать наиболее перспективные направления инноваций, способствуя росту благосостояния жителей и укреплению позиций региона в экономике России.

Литература:

1. Андрианов, В. Д. Инновационное развитие регионов России / В.Д. Андрианов, Б. Т. Кузнецов. — М.: Инфра-М, 2023. — 387 с.
2. Аренд, Н. Е. Оценка эффективности региональных инновационных стратегий / Н. Е. Аренд, А. В. Глухова. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2024. — 256 с.
3. Балабанова, Е. С. Управление инновационными процессами в условиях цифровой трансформации экономики региона / Е. С. Балабанова, О.А. Харитонова. — Красноярск: СибФУ, 2023. — 284 с.

4. Волков, Ю. Г. Социально-экономическая эффективность инновационного развития регионов Сибири / Ю. Г. Волков, Д. И. Ильин. — Новосибирск: Наука, 2024. — 312 с.
5. Галиев, Р. Ш. Экономико-математические модели оценки инновационной активности субъектов федерации / Р. Ш. Галиев, Л. Н. Малашихин. — Казань: Казан. нац. исслед. технол. ун-т, 2023. — 350 с.
6. Григорьева, О. Ю. Методологические аспекты оценки экономической эффективности инноваций в региональном аспекте / О. Ю. Григорьева, П. М. Иванов. — Москва: Фин. ун-т при Правительстве РФ, 2024. — 245 с.
7. Долгополов, Э. П. Проблемы и перспективы инновационного развития экономики Республики Тыва / Э. П. Долгополов, С. Б. Матвеев. — Абакан: ХГУ, 2023. — 186 с.
8. Канторович, Я. Л. Стратегии устойчивого инновационного роста российских регионов / Я. Л. Канторович, В. К. Концевич. — Екатеринбург: УрФУ, 2024. — 302 с.
9. Кузьмин, А. Ф. Мониторинг и контроль эффективности инновационных проектов в регионах / А. Ф. Кузьмин, В. В. Орлов. — Уфа: БашГУ, 2023. — 276 с.
10. Макаров, В. Я. Система индикаторов для оценки эффективности инновационной политики регионов России / В. Я. Макаров, Ю. Р. Николаенко. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2024. — 298 с.
11. Никулин, А. В. Региональные программы инновационного развития: проблемы формирования и реализации / А. В. Никулин, Н. А. Павлова. — Омск: ОмГТУ, 2023. — 260 с.
12. Потехин, В. А. Современные тенденции и механизмы государственной поддержки инноваций в регионах России / В. А. Потехин, А. А. Рубцов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2024. — 320 с.
13. Райков, Г. И. Теория и практика государственного регулирования инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации / Г. И. Райков, Д. А. Новиков. — Саратов: СарНИУ, 2023. — 340 с.
14. Семенова, Н. В. Показатели и критерии оценки социальной эффективности инновационных преобразований в экономике регионов России / Н. В. Семенова, Л. А. Серова. — Ярославль: ЯрГУ, 2024. — 216 с.
15. Соловьев, А. В. Инновационные стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока России / А. В. Соловьев, Е. В. Горелова. — Иркутск: БайкалГУ, 2023. — 360 с.

Фиджитализация услуг: теоретическое уточнение и аналитический потенциал для региональных исследований

Шауя Цзигээр, аспирант

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье уточняется содержание понятия «фиджитализация услуг» и обосновывается его применение в анализе регионального развития в условиях цифровой экономики. Показано, что рост цифровых каналов не отменяет значимости физических форм обслуживания и приводит к формированию гибридной модели, где ключевым становится именно их интеграция. Предложена авторская трактовка фиджитализации. Обосновано, что фиджитализация может способствовать устойчивому экономическому развитию регионов.

Ключевые слова: фиджитализация, сфера услуг, гибридная модель сервиса, устойчивое экономическое развитие регионов.

Национальная и региональная экономика обладают сложной структурой, а для макроэкономического анализа принципиальное значение имеет разделение экономики на сектора экономической деятельности. Отраслевой состав отражает долю различных секторов в общем объеме производства и особенности распределения производственных ресурсов. На современном этапе ключевую роль в этой структуре играет сфера услуг, при этом аграрный и промышленный сектора также усиливают сервисную составляющую за счет роста роли знаний, технологий и сопровождения производства.

С момента появления вычислительной техники и развития информационных технологий цифровизация стала одной из основных движущих сил экономического роста и трансформации рынков [1]. Цифровая экономика рассматривается как новая стадия инновационного развития, при которой цифровые данные и технологии выступают ключевым ресурсом производства и фактором повышения эффективности во всех секторах, включая сферу услуг [2]. Значимость сферы услуг для устойчивого благосостояния подтверждается динамикой ее вклада в ВВП: в 1970–2021 гг. доля услуг в мировом ВВП заметно выросла во всех группах стран по классификации Всемирного банка [3]. Одновременно усиливается связь между уровнем развития услуг и социально-экономическими результатами: высокий удельный вес сектора услуг характерен для стран с более высокими показателями качества жизни и благосостояния населения [4].

В рамках настоящего исследования услуги классифицируются по механизму предоставления на два типа:

- предоставляемые в физической форме, требующие очного присутствия и непосредственного контакта;
- предоставляемые в цифровой форме, где взаимодействие происходит дистанционно через цифровые каналы.

Цифровые формы предоставления услуг существенно ослабляют пространственно-временные ограничения, присущие традиционным формам, что открывает возможности для расширения рынков, повышения производительности и снижения издержек. В таблице 1 представлено сравнительное описание ключевых характеристик физических и цифровых форм предоставления услуг.

**Таблица 1. Сравнение физических и цифровых форм предоставления услуг
(составлено автором)**

Ограничения физических форм предоставления услуг	Преимущества цифровых форм предоставления услуг	Влияние на экономику
Пространственно-временные ограничения: предоставление услуг требует одновременного присутствия поставщика и потребителя в одном месте.	Безграничный доступ: услуги могут предоставляться дистанционно и асинхронно.	Создает новые возможности для расширения рынков и повышения доступности услуг.
Ограниченные эффекты масштаба: высокая трудоемкость и зависимость от человеческого фактора.	Автоматизация и платформенные решения: использование чат-ботов, онлайн-платформ и искусственного интеллекта снижает зависимость от человеческого труда.	Оптимизирует распределение ресурсов и способствует формированию эффективных моделей обслуживания.
Высокая стоимость персонализации: индивидуальные услуги требуют значительных временных и трудовых затрат.	Персонализация на основе данных: цифровые технологии обеспечивают индивидуальные рекомендации и адаптацию услуг под запросы пользователя.	Повышает добавленную стоимость услуг и уровень удовлетворенности потребителей.
Нематериальность и скропортиящийся характер услуг: производство и потребление происходят одновременно, отсутствует возможность хранения.	Разрыв между созданием и потреблением услуг: цифровые сервисы могут храниться, использоваться по запросу и тиражироваться.	Создает условия для формирования новых моделей предоставления услуг и повышения производительности.

Переход к цифровым формам позволяет преодолеть ограничения традиционных форм предоставления услуг, обеспечивая массовую доступность, персонализацию, автоматизацию бизнес-процессов и накопление результатов в виде цифрового контента, модулей обучения и т. п. Это усиливает роль сферы услуг как драйвера устойчивого экономического развития регионов.

В то же время полный отказ от физической формы услуг в настоящий момент невозможен и социально нежелателен. Это связано с тем, что ряд услуг требует физического присутствия и доверия, формируемого в личном контакте (сложные медицинские вмешательства, часть образовательных программ, бытовые и социальные сервисы). Кроме того, существует неоднородность цифровой грамотности и доступности формы цифровых решений для различных групп населения и территорий. По данным Global Data, более 30% потребителей предпочитают личный визит в магазин, а в 2022–2023 гг. 24% клиентов банков ориентировались на удобство доступа к отделениям, несмотря на рост спроса на цифровые сервисы [5]. Это предопределяет развитие фиджитализации услуг — процесса, при котором физические и цифровые формы предоставления услуг не конкурируют, а дополняют друг друга.

Именно гибридная модель предоставления услуг получила в академическом дискурсе название «фиджитал» (phygital) — от сочетания слов физический (physical) и цифровой (digital). Термин был предложен К. Вейлом в 2007 году для обозначения неразрывной связи между физическим и цифровым мирами [6]. Анализ научных и прикладных публикаций показывает, что понятия «фиджитал» и «фиджитализация» изначально закрепились в сфере розничной торговли и электронной коммерции. Данные понятия описывают объединение цифровых и физических каналов взаимодействия с целью создания персонализированного взаимодействия с клиентами и повышения лояльности потребителей [7]. Быстрый рост электронной коммерции, особенно в период пандемии, усилил потребность в новых гибридных моделях, которые интегрируют преимущества физических и цифровых форм предоставления услуг.

Дальнейшее развитие концепции фиджитализации связано с расширением ее применения за пределы розничной торговли. Исследования фиксируют внедрение фиджитализации в образование, банковскую сферу, здравоохранение, туризм и другие отрасли услуг [8]. Пандемия стала катализатором процесса перехода к гибридным моделям, при которых цифровые решения обеспечивают эффективность и масштабируемость, а физические формы предоставления услуг — доверие, включенность и доступ для уязвимых групп. Консалтинговые и международные организации (PricewaterhouseCoopers, McKinsey, Всемирный

банк) подчеркивают перспективность фиджитализации как основы для клиентского сервиса, инклюзии услуг и развития человеческого капитала.

В рамках настоящего исследования под фиджитализацией услуг предлагаются понимать процесс интеграции физических и цифровых форм их представления в единую систему, ориентированную на повышение доступности, эффективности и качества обслуживания населения и хозяйствующих субъектов. Этот процесс предполагает:

- сочетание физических точек присутствия и цифровых каналов взаимодействия;
- использование данных и цифровых технологий для персонализации и оптимизации сервисов;
- сохранение и развитие доступных физических форм оказания услуг для цифрово уязвимых групп и территорий;
- целевую ориентацию на устойчивое экономическое развитие регионов.

Формирование понятия «фиджитализация» в контексте региональной экономики осуществляется на пересечении трех ключевых элементов:

1. физической и цифровой среды, обеспечивающей технические и организационные условия функционирования сервисов;
2. эволюции спроса, выражющей запрос пользователей на удобные, персонализированные и бесшовные услуги;
3. целей устойчивого экономического развития регионов, предполагающих инклюзивный рост, повышение качества жизни и снижение территориальных диспропорций.
4. Фиджитализация услуг способна вносить вклад в достижение целей устойчивого экономического развития регионов за счет:
 - расширения территориальной доступности услуг (в том числе в малонаселенных и удаленных территориях);
 - снижения транзакционных издержек для населения и бизнеса;
 - повышения эффективности использования ресурсов через цифровые решения;
 - формирования новых рабочих мест в сфере ИКТ и сервисных отраслей;
 - роста качества и устойчивости региональных сервисных систем.

Инновации в сфере фиджитализации усиливают экологическую, экономическую и социальную составляющие устойчивости: точное управление ресурсами и логистикой снижает отрицательное воздействие на окружающую среду; новые модели сервиса повышают конкурентоспособность и открывают дополнительные возможности для социально-экономического развития регионов.

нительные рынки; инклюзивные каналы доступа к услугам способствуют выравниванию региональных и социальных различий.

Таким образом, в настоящем исследовании фиджитализация услуг рассматривается как процесс, направленный на обеспечение устойчивого и инклюзивного экономического развития регионов. Его ключевая особенность заключается не в замещении физической формы предоставления услуг цифровой, а в целенаправленной интеграции двух форм. Такая интеграция позволяет повышать экономическую эффективность, уменьшать территориальные и социальные различия и способствовать улучшению качества жизни населения.

Литература:

1. OECD. (2019). Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264312012-en>
2. Xia, L., Baghaie, S., & Sajadi, S. M. (2023). The digital economy: Challenges and opportunities in the new era of technology and electronic communications. *Ain Shams Engineering Journal*, 102411.
3. World Bank, & World Trade Organization (WTO). (2023). Trade in Services for Development: Fostering Sustainable Growth and Economic Diversification. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_in_services_and_development_e.pdf
4. Nayyar, G., Hallward-Driemeier, M., & Davies, E. (2021). At your service?: The promise of services-led development. World Bank Publications.
5. The Paypers. (2023). Phygital is the new black. URL: <https://thepaypers.com/thought-leader-insights/phygital-is-the-new-black-1264226>
6. Cennamo, C., Dagnino, G. B., & Di Minin, A. (2022). Phygital transformation: Components, challenges and prospects. Special Issue of the Journal R&D Management.
7. Due, B. L. and Toft, T. L. (2021), «Phygital highlighting: achieving joint visual attention when physicallyco-editing a digital text», *Journal of Pragmatics*, Vol. 177, pp. 1–17
8. Batat, W. (2022). What does phygital really mean? A conceptual introduction to the phygital customer experience (PH-CX) framework. *Journal of Strategic Marketing*, 1–24

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Современные проблемы технологии определения границ водных объектов и границ зон с особыми условиями использования территории

Зайцев Мирослав Мирославович, студент магистратуры

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова

В статье рассматриваются актуальные правовые и технические проблемы, возникающие при определении береговых линий и установлении границ водно-охраных зон и прибрежных защитных полос. Автор анализирует противоречия между динамической природой водных объектов и статичностью кадастрового учета. Особое внимание уделено цифровизации данных в ЕГРН на начало 2026 года и конфликтам прав частной собственности с режимом береговой полосы общего пользования.

Ключевые слова: береговая линия, водоохранная зона, водные объекты, Водный кодекс, границы территорий, ЕГРН, ЗОУИТ, кадастровый учет.

Установление границ водных объектов и зон с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ) представляет собой фундаментальный элемент системы территориального планирования и природопользования [1]. Точность определения границ напрямую влияет на эффективность охраны водных ресурсов, правомерность градостроительной деятельности, а также на обеспечение баланса экологических и общественных интересов [2].

Вместе с тем современные технологии и нормативно-правовая база демонстрируют ряд системных недостатков, препятствующих корректному установлению границ [1]. Эти проблемы носят многоплановый характер и требуют комплексного анализа с последующим выработкой эффективных решений.

Актуальность темы обусловлена завершением масштабного этапа наполнения Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) сведениями о границах водных объектов и их защитных зон к концу 2025 года. Несмотря

на достижение высоких количественных показателей (внесено более половины зон затопления и водоохранных зон), качественные проблемы правоприменения остаются нерешенными. Конфликт между экологической безопасностью, закрепленной в Водном кодексе РФ, и незыблемостью права частной собственности на землю создает значительную нагрузку на судебную систему России.

Проблема динамичности границ водных объектов вызывает фундаментальное противоречие, которое проявляется в попытке зафиксировать в координатах объект, который по своей природе изменчив [3]. Согласно ст. 5 Водного кодекса РФ, береговая линия определяется по среднемноголетнему уровню вод [1]. Однако русла рек подвержены меандрированию, а берега — абразии (размыву). Возникает правовой разрыв: юридически береговая линия должна рассматриваться не реже одного раза в 25 лет. На практике же зарегистрированная в ЕГРН граница остается неизменной десятилетиями, в то время как фактический урез воды может сместиться на десятки метров.

Погрешности при использовании картометрического метода при массовом установлении границ привело к значительным искажениям [4]. В результате береговая линия «на бумаге» часто проходит либо по середине реки, либо глубоко внутри застроенных земельных участков.

Зоны с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ), такие как водоохраные зоны (ВЗ) и прибрежные защитные полосы (ПЗП), отсчитываются непосредственно от береговой линии. Любая ошибка в определении исходной «точки отсчета» влечет неверное наложение ограничений на сотни гектаров земли.

Часто границы ВОЗ накладываются на земли лесного фонда или земли населенных пунктов без учета существующих объектов инфраструктуры. Один и тот же участок может попадать под режим ПЗП, зоны затопления и зоны санитарной охраны источников питьевого водоснабжения. Отсутствие единого регламента для «пересекающихся» ЗОУИТ создает правовой тупик для собственников. Вступившие в силу в 2025 году поправки ограничили снос объектов, построенных до установления ЗОУИТ, но запретили их реконструкцию, что ведет к постепенной деградации прибрежной инфраструктуры [2]. Статья 6 Водного кодекса РФ устанавливает 20-метровую береговую полосу как территорию общего пользования. Нечёткость границ провоцирует многочисленные судебные споры. Наиболее распространены иски о сносе построек,озвездённых в водоохраных зонах, требования о возмещении убытков вследствие неправомерного ограничения прав собственников, оспаривание решений органов власти по установлению ЗОУИТ [6]. Эти процессы не только увеличи-

вают нагрузку на судебную систему, но и создают атмосферу правовой неопределенности для всех участников земельных отношений (табл. 1)

Таблица 1. Распространённые проблемы установления границ водных объектов

Проблема	Юридическая суть	Последствия
Реестровые ошибки	Участок был сформирован в 90-е годы до определения береговой линии.	Признание права собственности отсутствующим в части наложения
Самовольное ограничение доступа	Установка заборов «в урез воды».	Массовые иски о сносе, социальная напряженность
Приватизация «под водой»	Из-за изменения русла часть частного участка оказалась под водой	Земля под водным объектом не может быть частной; изъятие без компенсации

Несмотря на внедрение системы «Национальная система пространственных данных» (НСПД), данные Росводресурсов и Росреестра нередко диссонируют.

Проблема малых рек, объектов длиной менее 10 км, для которых границы устанавливаются по упрощенным схемам, дает колossalную погрешность при выносе в натуре.

В сфере совершенствования законодательства первоочередными задачами являются: унификация требований к определению границ водных объектов и ЗОУИТ; закрепление единых методик расчёта отступов и зон влияния; введение обязательных требований к актуализации данных с периодичностью раз в 5–10 лет [5] [6]. Это позволит устраниТЬ правовые коллизии и обеспечить единое применение норм на всей территории страны.

Разрозненность геоинформационных технологий влечет за собой проблему на пути создания единой цифровой платформы для визуализации и анализа ЗОУИТ, интеграции данных ЕГРН, дистанционного зондирования и полевых изысканий, применения искусственного интеллекта для прогнозирования изменений береговых линий. Внедрение современных цифровых решений способно существенно повысить точность и оперативность установления границ.

Усиление межведомственного взаимодействия предполагает координацию деятельности Росводресурсов, Росреестра, Минприроды и региональных властей, разработку совместных регламентов по согласованию границ, проведение регулярных сверок данных между ведомствами [6]. Эффективная коммуникация между заинтересованными сторонами позволит избежать дублирования функций и повысить качество принимаемых решений.

Повышение прозрачности данных должно обеспечиваться обязательным размещением карт ЗОУИТ в открытом доступе, внедрением онлайн-сервисов для проверки статуса земельных участков [6]. Открытость информации способствует снижению числа правовых конфликтов и повышению доверия со стороны участников земельных отношений.

Проведённый анализ показывает, что современные проблемы установления границ водных объектов и ЗОУИТ носят комплексный характер и требуют системного подхода к их решению. Ключевыми направлениями совершенствования должны стать: гармонизация нормативно-правовой базы; внедрение передовых геоинформационных технологий; усиление межведомственной координации; повышение доступности пространственных данных [5] [6]. Успешное решение обозначенных проблем будет способствовать сбалансированному использованию природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности страны.

Литература:

1. Водный кодекс Российской Федерации: от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 23. — Ст. 2381.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.
4. О водоохранных зонах, прибрежных защитных полосах водных объектов и об особенностях режима использования земельных участков, расположенных в границах указанных зон: Постановление Правительства РФ от 23.11.1996 № 1404 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 49. — Ст. 5567.
5. Методические рекомендации по определению береговых линий (границ водных объектов), случаев и порядка установления границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос водных объектов (в том числе для целей установления зон с особыми условиями использования территорий) / Росводресурсы. — М., 2021. — 84 с.
6. Материалы Росреестра по наполнению Единого государственного реестра недвижимости сведениями о зонах с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ): аналитический отчёт / Росреестр. — М., 2023. — 56 с.

Ранжирование водных объектов для приоритетного установления их границ и границ зон с особыми условиями использования территорий на примере Новобурасского муниципального района Саратовской области

Зайцев Мирослав Мирославович, студент магистратуры

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова

В статье рассматриваются результаты проведения ранжирования водных объектов и для приоритетного установления их границ и ЗОУИТ на примере Новобурасского муниципального района Саратовской области. Демонстрируется методика расчёта интегрального индекса антропогенной нагрузки (K_{cp}), позволяющая оптимизировать распределение ограниченных бюджетных ресурсов при кадастровых работах.

Ключевые слова: антропогенная нагрузка, Водный кодекс, водные объекты, водоохранная зона, границы водоохранных зон, ЕГРН, ЗОУИТ, кадастровый учет, кадастровые работы, критерий ранжирования, Новобурасский район.

Современное состояние государственного кадастрового учета водных объектов характеризуется фрагментарностью. Для исправления этой ситуации может использоваться методика ранжирования объектов на основе интегрального показателя антропогенной нагрузки [4].

В условиях ограниченности бюджетных средств и значительной протяженности гидрографической сети Новобурасского муниципального района Саратовской области (реки Чардым, Медведица, Соколка и др.), установление границ всех объектов одновременно невозможно. Используя авторскую методику проведена работа по приоритезации кадастровых работ, основанная на расчете индекса антропогенной нагрузки (K_{cp}) [4].

Методика включает три функциональных блока, каждый из которых оценивается по балльной шкале.

В таблице 1 представлен блок экологических критериев (Э) Данный блок оценивает внутреннее состояние водной экосистемы [4] [8]. В Новобурасском районе особое внимание уделяется малым рекам, которые являются наиболее уязвимыми к загрязнению. Выбор рек Чардым, Медведица, Соколка обусловлен их высокой значимостью для жизнедеятельности района и максимальной концентрацией хозяйственных объектов, расположенных по границам водных объектов.

Таблица 1. Система балльных оценок по экологическим критериям

Ин-декс	Критерий	Характеристика (балл)	Обоснование для Новобурас- ского р-на
Э1	Качество воды	1 — чистая; 3 — уме-ренно загр.; 5 — грязная	Для р. Чардым принимается 3–4 балла (влияние стоков)
Э2	Водозабор	1 — отсутствует; 5 — более 1 млн м ³ /год	Оценка нужд орошения земель сельхозназначения
Э3	Рыбохозяй-ственный статус	1 — не имеет; 5 — высшая категория	р. Медведица и притоки — места нереста (5 баллов)
Э4	Сброс сточных вод	1 — нет сбросов; 5 — наличие ОС	Учитываются локальные очистные р. п. Новые Бурасы
Э5	Питьевое зна-чение	1 — техническая; 5 — источник ХПВ	Использование подземных вод снижает балл для малых рек

Блок критериев хозяйственного освоения побережья (О) представлен в таблице 2 Критерии данной группы позволяют оценить риск нарушения режима использования земель в прибрежной защитной полосе (ПЗП) [1] [3].

Таблица 2. Критерии освоения прибрежной территории

Ин-декс	Критерий	1 балл (Низкий риск)	5 баллов (Высокий риск)
О1	Застройка ПЗП	Отсутствует (леса, луга)	Капитальная застройка (>50% берега)
О2	Плотность насе-ления	Менее 10 чел/км ²	Свыше 100 чел/км ² (р. п. Новые Бурасы)
О3	Наличие ГТС	Отсутствуют	Каскад прудов с плотинами
О4	Дорожная сеть	Нет дорог	Федеральные/региональные трассы вдоль берега
О5	Сельхоз. угодья	Пастбища	Пашня с применением пестицидов у уреза воды
О6	Промышленные объекты	Нет	Наличие предприятий АПК или производств
О7	Рекреация	Дикие пляжи	Организованные зоны отдыха, турбазы
О8	Землепользо-вание	Нераспределенный фонд	Частная собственность (вы-сокий риск споров)

Общий расчет производится по формуле средней арифметической взвешенной:

$$K_{cp} = \frac{\sum_{i=1}^5 \Theta_i + \sum_{j=1}^8 O_j + \Pi}{14} \quad (1)$$

где Э — экологические критерии, О — критерии освоения прибрежных территорий, П — коэффициент перспективного развития (на основе Генерального плана Новобурасского муниципального района Саратовской области) [9].

Значения критериев антропогенного воздействия для оценочной ведомости отобраны из источников и методов, которые учитывают различные аспекты влияния человеческой деятельности на водный объект [4] [8]. Эти данные сформированы на основе нормативных актов, результатов исследований, статистических данных и методов оценки, применяемых в экологии и природопользовании (табл. 3).

Таблица 3. Оценочная ведомость антропогенного давления на р. Чардым

Ин-декс	Критерий оценки	Значение пока-зателя (балл)	Обоснование оценки (региональная специфика)
Э1	Качество водной среды	4	Статус «загрязненная». Влияние ливневых стоков и отсутствие современных очистных сооружений.
Э2	Интенсивность водозабора	3	Активное использование воды для нужд частных подворий и аграрных предприятий в летний период.
Э3	Рыбохозяйственное знач-чение	3	Водоем второй категории. Место обитания типичных видов (плотва, окунь, щука).
Э4	Сброс сточных вод	5	Максимальный балл из-за наличия санкционированных и неорганизованных точек сброса в черте поселка.
Э5	Питьевое знач-чение	1	Река не используется для централизованного питьевого снабжения (используются артезианские скважины).
О1	Плотность за-стройки ПЗП	5	Наличие жилых домов на ул. Набережная в непосредственной близости от уреза воды (менее 20–50 м).
О2	Плотность насе-ления	4	Концентрация населения в районном центре (свыше 5,5 тыс. человек).
О3	Гидротехниче-ские объекты	5	Наличие плотин и прудов в верхнем течении, регулирующих сток и создающих риски заиливания.
О4	Транспортная на-грузка	4	Пересечение реки региональными трас-сами и наличие мостовых переходов в р. п. Новые Бурысы.
О5	Сельскохозяй-ственный пресс	3	Использование земель поймы под выпас скота и частное огородничество.

Ин-декс	Критерий оценки	Значение пока-зателя (балл)	Обоснование оценки (региональная специфика)
O6	Промышленное влияние	2	Преимущественно предприятия переработки сельхозпродукции (низкий уровень воздействия).
O7	Рекреационная нагрузка	4	Наличие неорганизованных мест отдыха населения, создающих бытовую нагрузку на берега.
O8	Правовой статус земель	5	Высокий процент земель в частной собственности, что увеличивает риск реестровых ошибок и споров.
П	Перспективное развитие	4	Планы по благоустройству набережной и развитию рекреационных зон согласно Генплану.
Сумма		52	

Для наглядного представления конкретного объекта представлена радарная (лепестковая) диаграмма (рис. 1). На примере р. Чардым (участки в границах населенных пунктов) заметно преобладающее развитие хозяйственного блока [4].

Факторы, получившие 5 баллов: O1 (Застройка), O3 (Наличие ГТС — пруды), O8 (Сложность правового статуса земель).

Слабо выраженные факторы (1–2 балла): Э5 (Питьевое значение — забор из скважин), О6 (Крупная промышленность).

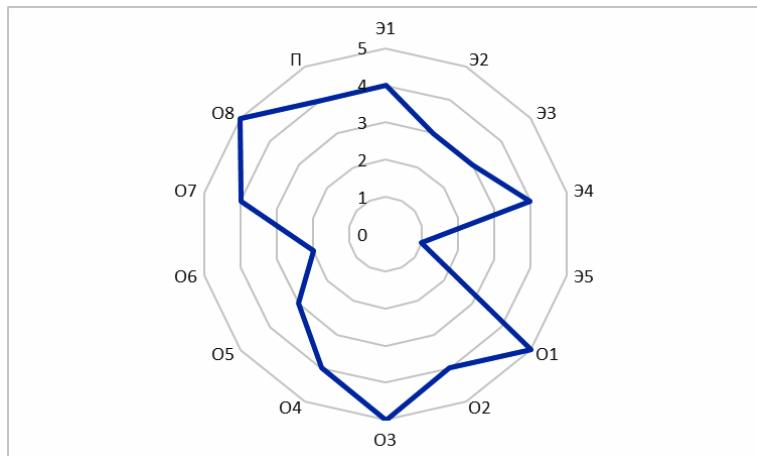

Рис. 1. Распределение критериев антропогенного воздействия на р. Чардым

Профиль объекта имеет преобладание в сторону социально-экономических осей. Это означает, что при проведении работ по установлению границ водоохраных зон первоочередной задачей станет не гидрологическая экспертиза, а решение кадастровых конфликтов с собственниками участков, фактически занимающими береговую полосу [9].

Таблица 4. Сводные индексы нагрузки (Кср)

Река	Экология ($\Sigma\mathcal{E}$)	Хоз. Блок (ΣO)	Развитие (П)	Итог (K_{cp})
Чардым	16	32	4	3,92
Соколка	12	20	3	2,50
Медведица	10	12	2	1,71

Для окончательного принятия решения об очередности работ в районе необходимо проанализировать сводные данные (рис. 2).

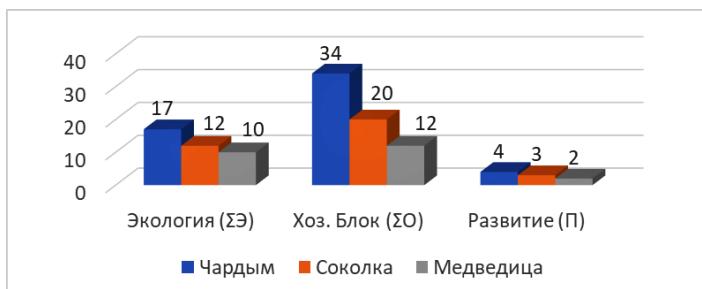

Рис. 2. Критерии антропогенного воздействия

Гистограмма наглядно подтверждает, что р. Чардым требует первоочередного установления границ (II категория приоритетности), так как суммарный балл нагрузки (3,71) значительно превышает показатели р. Медведица (1,71). Это позволяет обосновать необходимость разработки плана-графика землестроительных работ для муниципальных властей (табл. 5) [9].

Таблица 5. Ранжирование водных объектов по очередности работ

Итоговый балл (Кср)	Группа нагрузки	Степень приоритетности	Рекомендуемые сроки работ
4.1–5.0	Сильная	I категория	В течение текущего финансового года
2.6–4.0	Умеренная	II категория	В течение 3-х лет
1.0–2.5	Слабая	III категория	По мере поступления заявок/средств

Применение данной таблицы к объектам района дает следующие результаты:

1. Река Чардым за счет высокой застройки (О1), наличия ГТС (О3) и низкого качества воды (Э1) получает балл 3,71. Объект попадает в II категорию.
2. Малые притоки в лесной зоне: получают балл 1.8–2.2. Работы по ним могут быть отложены до завершения межевания основных водных артерий.

Согласно разработанной шкале ранжирования, значение 3,71 относит исследуемый участок реки Чардым ко второй группе (умеренная нагрузка), однако показатель находится в верхней границе диапазона [8].

Учитывая высокие баллы по критериям О1 (застройка), О3 (ГТС) и О8 (собственность), данный объект следует включить в план первоочередных работ по установлению границ береговой линии и зон затопления. Это необходимо для предотвращения дальнейшего хаотичного освоения пойменных территорий и защиты прав собственников, чьи участки могут быть частично ограничены режимом ЗОУИТ.

Подобная детализация позволяет обосновать необходимость государственного финансирования кадастровых работ именно для р. Чардым, в то время как более отдаленные и менее освоенные малые реки района могут иметь индекс в пределах 1,5–2,2 балла и не требовать срочного вмешательства.

Литература:

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74 ФЗ (с последними изменениями и дополнениями). — М.: Официальный интернет портал правовой информации, 2026.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 ФЗ (с последними изменениями и дополнениями). — М.: Официальный интернет портал правовой информации, 2026.
3. Постановление Правительства РФ от 29.04.2016 № 377 «Об утверждении Правил определения местоположения береговой линии (границы водного объекта), случаев и порядка её изменения». — М.: Собрание законодательства РФ, 2016, № 19, ст. 2715.
4. Методические рекомендации по оценке антропогенной нагрузки на водные объекты и водосборные территории / под ред. А. В. Дмитриева. — СПб.: РосНИИВХ, 2018. — 148 с.
5. Р 52.24.819 2014 «Оценка антропогенной нагрузки и риска воздействия на речные экосистемы с учётом их региональных особенностей». — М.: Росгидромет, 2014.

6. Методика комплексной оценки антропогенной нагрузки на водные объекты / под ред. Н. И. Алексеевского. — М.: МГУ, 2017. — 216 с.
7. Региональные особенности оценки антропогенной нагрузки на малые реки: монография / А. Н. Петин, Л. Л. Новых, О. В. Петина. — Белгород: БелГУ, 2021. — 164 с.
8. Методические основы оценки антропогенного воздействия на водные объекты в условиях урбанизации / под ред. Т. А. Трифоновой. — Владимир: ВлГУ, 2020. — 132 с.
9. Материалы Генерального плана муниципального образования «Новобурасский муниципальный район Саратовской области» (актуальная редакция на 2026 год). — Саратов: Администрация Новобурасского МР, 2025.

СОЦИОЛОГИЯ

Обзор существующих подходов к определению управленческого конфликта в социологии управления

Калашников Дмитрий Владимирович, кандидат социологических наук, доцент

Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

В статье автор исследует существующие подходы к определению управленческого конфликта в социологии управления.

Ключевые слова: управленческий конфликт, социология управления, финансовый и стратегический менеджмент.

Управленческий конфликт интерпретируется в научном дискурсе неоднозначно, что обусловлено многообразием теоретико-методологических оснований его анализа. Классическая исследовательская традиция акцентирует деструктивную природу противоречий, позиционируя их в качестве барьера на пути реализации стратегических задач организации. Данная концептуальная рамка трактует конфликтное взаимодействие как антагонизм целей, аксиологических ориентиров либо материальных активов субъектов — будь то отдельные работники или структурные подразделения, — что влечет деградацию операционной эффективности и дестабилизацию коммуникативного климата.

Социологическая перспектива, в противоположность традиционным взглядам, выявляет продуктивный потенциал организационных противоречий. Столкновение интересов катализирует инновационные процессы, обнажает латентные дисфункции системы и усиливает способность структуры реагировать на средовую турбулентность. Подобные столкновения интерпретируются не как аномалия, а как имманентный механизм социальной динамики, обеспечивающий трансформацию и адаптивную эволюцию организационных форм.

Специфика трактовки управленческого конфликта детерминируется исследовательской парадигмой и отраслевой спецификой анализа. Стратегический

уровень менеджмента предполагает интерпретацию конфликта через призму противоречий между альтернативными векторами развития организации. Финансовая же сфера актуализирует конфликтогенный потенциал в процессах ресурсной аллокации и дивергенции подходов к оценке экономических индикаторов.

Формирование долгосрочных управлеченческих решений, задающих вектор организационного развития, неизбежно сопряжено с противоречиями в интерпретации перспектив, иерархии задач и целевых ориентиров. Подобные расхождения проявляются, когда производственные структуры ориентируются на оптимизацию издержек, тогда как маркетинговые службы приоритизируют наращивание сбыта — подобная дивергенция интересов закономерно порождает столкновения при аллокации ограниченных ресурсов между конкурирующими направлениями деятельности.

Расхождения во взглядах на выбранный стратегический курс формируют отдельную категорию организационных противоречий. Персонал нередко воспринимает управлеченческую концепцию как оторванную от реальности либо противоречащую подлинным целям предприятия. Подобное несовпадение позиций провоцирует активное противодействие преобразованиям, что неизбежно снижает результативность стратегических инициатив.

Стратегические решения по своей природе сопряжены с неопределенностью и риском, что создает дополнительную почву для противоречий. Расхождения в восприятии потенциальных угроз и преимуществ различных стратегических вариантов между заинтересованными сторонами закономерно порождают споры, поскольку каждый участник оценивает последствия через призму собственных интересов и компетенций.

Управление финансовыми активами предприятия неизбежно порождает противоречия, обусловленные дефицитом капитала и конкуренцией структурных подразделений за его аллокацию между альтернативными инвестиционными направлениями и операционными потребностями.

Расхождения в интерпретации финансовой результативности инвестиционных предложений служат катализатором противоречий между структурными единицами организации. Дивергенция взглядов на прибыльный потенциал альтернативных вложений капитала и сопряженные с ними риски обуславливает конкуренцию за распределение ограниченных ресурсов, поскольку каждое подразделение отстаивает собственную методологию оценки проектных приоритетов.

Нарушение установленных финансовых норм и регламентов представляет собой самостоятельный конфликтогенный фактор. Искажения отчётных данных, нецелевая эксплуатация ресурсов либо дефицит открытости при осуществлении денежных транзакций способны спровоцировать противоречия в отношениях персонала с административным аппаратом и внешними контрагентами.

Противоречия в сфере управления финансами нередко возникают при определении порядка начисления вознаграждений и распределения прибыли. Отсутствие прозрачных критериев или субъективность в принятии решений относительно материального поощрения провоцируют снижение вовлеченности персонала и обостряют напряженность во взаимоотношениях между управленческим звеном и рядовыми специалистами.

Исследование управленческих противоречий с позиций социологии раскрывает их укоренённость в обширном социокультурном пространстве. Подобный ракурс интегрирует воздействие ценностно-нормативных систем, межгрупповых взаимодействий и корпоративного ethos на генезис и эволюцию конфронтационных процессов.

Ролевые противоречия в организационной среде рассматриваются социологией через призму несовместимых ожиданий, адресованных одному субъекту. Руководитель среднего звена нередко сталкивается с дилеммой: отставание потребностей подчинённых вступает в конфронтацию с императивами вышестоящих инстанций.

Социологи рассматривают коммуникативные процессы как ключевой фактор генезиса и урегулирования конфликтных ситуаций. Непрозрачность информационного обмена, искажение смыслов и коммуникативные барьеры провоцируют эскалацию противоречий, тогда как диалогические практики, рефлексивная обратная связь и готовность к взаимопониманию создают условия для дезакальяции напряжённости.

Социологическое исследование властной структуры организации вскрывает фундаментальные причины конфронтации, коренящиеся в асимметричном распределении полномочий и произвольном их использовании. Аналитическая оптика социологии обнаруживает латентные властные механизмы и каналы воздействия, катализирующие зарождение и интенсификацию организационных противоречий.

Организационная динамика неизбежно порождает управленческие противоречия, привлекающие исследовательский интерес специалистов в сфере менеджмента, социологии и психологии. Анализ фундаментальных концеп-

ций позволяет выявить природу данных столкновений и механизмы их урегулирования.

Противоборство в административной среде представляет собой многоаспектный феномен, обусловленный несовпадением интересов, ценностных ориентаций или методологических подходов субъектов организационного взаимодействия. Конфронтация возникает при расхождении целевых установок, распределении ресурсов либо интерпретации полномочий между участниками управлеченческого процесса.

Теоретическое осмысление административных разногласий охватывает различные парадигмы. Функционалистская перспектива рассматривает столкновения как деструктивный элемент, нарушающий организационное равновесие и требующий незамедлительной элиминации. Альтернативный подход трактует противоречия в качестве катализатора развития, способствующего инновационным преобразованиям при условии конструктивного разрешения.

Типологизация управлеченческих конфликтов основывается на множественных критериях: вертикальные противоречия между иерархическими уровнями, горизонтальные столкновения равностатусных подразделений, внутриличностные диссонансы руководителя, межгрупповые противостояния структурных единиц. Каждая категория характеризуется специфическими провоцирующими факторами и траекториями развития.

Стратегии урегулирования варьируются от компромиссного поиска взаимоприемлемых решений до авторитарного подавления либо временного избегания конфронтации. Оптимальность выбранной тактики детерминируется контекстуальными параметрами: значимостью проблематики, временными ограничениями, соотношением властных полномочий, долгосрочными организационными целями.

Концепция М.П. Фоллетт рассматривает организационные противоречия как катализатор развития, а не деструктивный фактор. Столкновение позиций интерпретируется ею в качестве механизма генерирования инновационных подходов и оптимизации колаборативных процессов внутри коллектива [1].

Развивая данную концепцию, Л. Козер интерпретировал конфликтное взаимодействие как механизм социальной интеграции, катализирующий становление коллективной идентичности и демаркацию межгрупповых границ. Проецируя эту логику на управлеченческую сферу, следует отметить: противоречия в административной практике не только диагностируют дисфункциональные области, но и мобилизуют руководящий коллектив, трансформируя конфронтацию в ресурс организационной сплочённости [2].

Дарендорфовская концепция рассматривает конфликтные ситуации сквозь призму асимметричного доступа к властным полномочиям и организационным активам. В управленческой среде столкновения интересов преимущественно детерминированы конкуренцией за должностное продвижение, финансовые потоки и материально-технические средства, что актуализирует проблему эквивалентного распределения корпоративных возможностей [3].

Несовместимость целей и ценностных ориентиров участников взаимодействия, согласно концепции К. Боулдинга, порождает конфликтные ситуации. Применительно к организационному контексту данный механизм реализуется через столкновение позиций относительно стратегических векторов организационного развития, иерархии рабочих приоритетов и альтернативных способов преодоления проблемных ситуаций [4].

Управленческое противоборство представляет собой комплексный социально-экономический феномен, генерируемый целенаправленной организационной активностью и манифестирующийся через столкновение интересов, целевых установок, аксиологических ориентиров, ресурсных притязаний либо властных прерогатив участников управленческого процесса — индивидуальных акторов, коллективных субъектов, структурных подразделений или иерархических уровней. Данное явление маркирует отклонение от равновесного функционирования управленческой системы, индицируя сбои в координационных, коммуникативных и децисионных механизмах.

Институциональная природа управленческого противоборства принципиально отличает его от межличностных столкновений, поскольку оно имманентно встроено в функционирование организации как многосоставной социальной целостности. Источники подобных коллизий коренятся преимущественно в объективных противоречиях, детерминированных архитектоникой организационного устройства, ресурсным распределением, конфигурацией стимулирующих систем, равно как и субъективными детерминантами — дивергенцией ситуационных интерпретаций, индивидуальными притязаниями и поведенческими паттернами управленческого персонала.

Социологическое исследование управленческих конфликтов включает анализ их этиологии, траекторий развития, результирующих эффектов и регулятивных стратегий с учётом специфики конкретной организационной среды и экстернальных условий.

Расхождения во взглядах на целевые ориентиры и приоритетные направления организационного развития порождают управленческие противоречия, анализируемые в контексте стратегического менеджмента. Балансирование

интересов стейкхолдеров при разработке и воплощении стратегических замыслов неизбежно сопряжено с возникновением разногласий. Споры концентрируются вокруг альтернатив рыночного позиционирования — противопоставления лидерства по издержкам дифференциации, распределения инвестиционных потоков, конкурентных подходов или векторов диверсификации. Максимальную остроту противоречия приобретают при масштабных трансформациях: слияниях, поглощениях, реструктуризации, технологических прорывах, сопровождающихся перераспределением ресурсной базы и властных прерогатив. Неразрешенные стратегические разногласия блокируют организационное функционирование, тормозят процедуры выработки решений, подрывают рыночные позиции. Следовательно, конструктивное разрешение противоречий стратегического уровня определяет перспективы устойчивого роста. Достижение этого требует формирования механизмов согласования разнонаправленных интересов, интеграции заинтересованных групп в стратегическое планирование, культивирования принципов транспарентности и коллоквии.

Противоречия в сфере корпоративных финансов возникают преимущественно при аллокации капитала, экспертизе инвестиционных решений, оптимизации затрат и определении ключевых показателей результативности. Столкновение интересов наблюдается между структурными единицами при борьбе за финансирование, между собственниками и топ-менеджментом относительно политики выплат, между кредитными институтами и заемщиками по параметрам обслуживания долга. Непрозрачность финансовой информации, дефекты бюджетного планирования и мониторинга, информационная асимметрия участников экономических взаимодействий усугубляют конфликтогенность среды. Следствием подобных противоречий становятся дестабилизация финансового положения компаний, утрата доверия инвесторов, угроза несостоятельности. Разрешение данных коллизий требует имплементации объективных механизмов ресурсного распределения, создания комплексной системы финансового мониторинга, гарантирования достоверности и доступности отчетных данных. Критическое значение приобретает формирование стимулирующих схем для управляемого персонала, нацеленных на реализацию стратегических приоритетов корпорации, а не локальную максимизацию финансовых результатов обособленных дивизионов.

Анализ концептуальных трактовок управляемого конфликта в социологической науке выявляет несколько принципиальных положений, отражающих актуальный уровень разработки этой темы.

Исследование существующих интерпретаций конфликтных взаимодействий в организационных структурах демонстрирует множественность теоретических перспектив. Различные научные школы предлагают собственные аналитические рамки, акцентируя внимание на специфических аспектах противоречий в управлеченческой деятельности.

Рассмотрение методологических оснований показывает, что конфликт трактуется не только как деструктивное явление, но и как механизм организационного развития. Данная амбивалентность определяет необходимость дифференцированного подхода при изучении столкновений интересов в иерархических системах.

Компаративный анализ теоретических концепций указывает на эволюцию представлений: от понимания конфликта как исключительно негативного феномена к признанию его функциональной роли в организационной динамике. Современные исследования фокусируются на выявлении условий, при которых противоречия стимулируют инновационные процессы.

Систематизация научных позиций обнаруживает междисциплинарный характер проблемы, требующий интеграции социологических, психологических и управлеченческих подходов для формирования целостного понимания феномена.

Управленческий конфликт представляет собой многогранное явление, интерпретируемое различными социологическими школами через призму специфических аспектов: от межличностных противоречий и столкновения интересов до системных дисфункций и деформаций организационной архитектуры. Подобное разнообразие трактовок подчеркивает комплексный характер феномена, предполагающий междисциплинарную исследовательскую оптику. Анализ конфликтогенеза требует интеграции объективных детерминант (ограниченность ресурсов, размытость полномочий) и субъективных переменных, обусловленных индивидуальной перцепцией и когнитивной обработкой ситуации конфликтующими сторонами.

Проведённое исследование выявило трансформацию научных представлений о природе управленческих противоречий: от традиционной трактовки как исключительно разрушительного феномена к концепции, признающей их инновационный потенциал. Современная парадигма интерпретирует организационные столкновения как катализатор творческого поиска, способствующий выработке нестандартных стратегий и усилиению институциональной гибкости в динамичной бизнес-среде. Вместе с тем исследователи акцентируют критическую роль целенаправленной регуляции конфронтационных процессов,

препятствующей реализации их деструктивного сценария. Фундаментальным условием продуктивного разрешения противоречий выступает формирование организационной среды, базирующейся на принципах транспарентной коммуникации и взаимного сотрудничества персонала.

Третья тенденция связана с совершенствованием методологического аппарата исследования управлеченческих противоречий. Современные разработки концентрируются на создании формализованных аналитических процедур, способных выявлять детерминанты дескализации и моделировать результаты альтернативных стратегий урегулирования. Параллельно качественные исследовательские подходы сохраняют значимость, обеспечивая проникновение в субъективную реальность конфликтующих сторон и обнаружение скрытых механизмов генезиса противоборства.

Четвёртым направлением становится построение многомерных типологий управлеченческих конфликтов, преодолевающих ограниченность традиционных классификаций. Распространённые схемы дифференциации конфликтных ситуаций опираются преимущественно на узкий круг параметров — иерархический уровень столкновения интересов либо природу возникающих противоречий, что снижает их эвристическую ценность при решении прикладных задач. Целесообразно разработать интегративные типологические модели, синтезирующие разнородные детерминанты конфликтогенеза и учитывающие организационный контекст, в котором развёртывается противоборство.

Представленный анализ демонстрирует необходимость углубленного изучения управлеченческих противоречий сквозь призму социологии организаций. Совершенствование концептуального аппарата и исследовательского инструментария в данной области способствует оптимизации организационного функционирования и формированию комфортных условий для профессиональной самореализации персонала. Расширение эмпирической составляющей, охватывающей специфику конфликтогенеза в различных организационных структурах и социокультурных средах, обеспечит создание адаптивных механизмов урегулирования противоречий. Подобный подход укрепляет конкурентные позиции организаций, повышая их адаптационный потенциал в условиях турбулентности внешнего окружения.

Литература:

1. Follett, M. P. Creative experience. New York: Longmans, Green and Co., 1924.
2. Coser, L. The functions of social conflict. New York: Free Press, 1956.

3. Dahrendorf, R. Class and class conflict in industrial society. Stanford, CA: Stanford University Press, 1959.
4. Boulding, K. Conflict and defense: A general theory. New York: Harper & Row, 1962.
5. Зеленский С.Ю., Чернов А.В. Методы профилактики конфликтов в компаниях // Молодой ученый, 2014. — № 18. — С. 364–366.
6. Кульков М.А. Конфликты производителей и потребителей: как избегать, как разрешать: пособие для продавцов, изготовителей и импортеров / М.А. Кульков, Р.М. Курмаев, Ю.В. Лаврова. — Москва: Альпина Бизнес Букс, 2007.
7. Катышева Л.В. Конфликтные ситуации: основные правила эффективного поведения / Л. В. Катышева // Налоговая политика и практика. — 2018. — № 7. — С. 38–41.
8. Козлова А. М. Организационное поведение. Для руководителей. М.: — Директ-Медиа, 2013.

ПСИХОЛОГИЯ

Исследование психоэмоциональных состояний женщин после родов

Мисирёва Анна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Родионова Ольга Геннадьевна, кандидат
психологических наук, доцент

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

Автор проводит изучение уровня тревожности женщин после родов (до исполнения ребенку года) в сравнении с женщинами, воспитывающими детей старше года. Используются такие методика, как: «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина» и «Самооценка эмоциональных состояний» (Уэссманн А.Е., Рикс Д.Ф.).

Ключевые слова: эмоциональные состояния, психоэмоциональные особенности, тревожность, исследование, самооценка.

Research on the psycho-emotional states of women after childbirth

The author examines the level of anxiety in women during the postpartum period (up to one year after childbirth) in comparison with women raising children over one year of age. The study employs the following psychometric instruments: the Spielberger-Hanin State-Trait Anxiety Inventory (STA1); the «Self-Assessment of Emotional States» questionnaire (developed by A. E. Wessman and D. F. Ricks).

Keywords: emotional states, psycho-emotional characteristics, anxiety, research, self-assessment.

Согласно научным данным, послеродовый период и первый после родов год — период повышенной чувствительности матерей к психоэмоциональным переживаниям [1]. Как отмечает, Н.А. Корнетов «следующий после родов год — этап повышенной психологической уязвимости матерей» [2].

Автором проведено исследование среди двух независимых групп участников, на добровольной основе в сети интернет. В нём приняли участие 30 женщин, в возрасте от 22 до 40 лет (средний возраст 32,4 года).

Женщины, принявшие участие в нашем исследовании, имеют детей в возрасте от 2 недель до 15 лет: 15 женщин, родивших ребенка за последние 12 месяцев, и 15 женщин с детьми старше года.

17 респондентов (57%) имеют 1 ребёнка. 11 (36%) — 2 детей, 2 опрошенных (7%) имеют 3 детей. 90% респондентов замужем, 10% не замужем. Среди 30 опрошенных 14 женщин (47%) занимаются домашним хозяйством (в том числе в декретном отпуске), 11 (37%) — работают, а 5 респондентов (17%) совмещают работу с ведением домашнего хозяйства.

Изложение и анализ полученных результатов исследования начнем с данных по тесту «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина» (State-Trait Anxiety Inventory, STAII). На рисунке 1 представлены результаты ответов респондентов, в процентном соотношении, проценты округлены до целого числа.

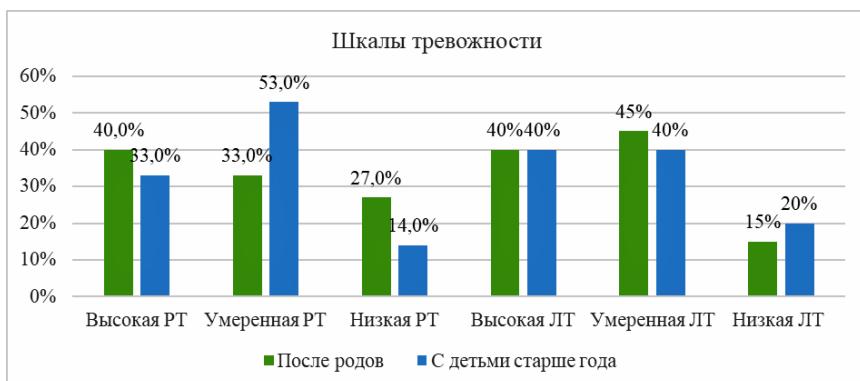

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по методике диагностики тревожности Спилбергера-Ханина (в %)

На рисунке 1 мы видим, что по шкале «Реактивная тревожность» в группе наших респондентов после родов низкий уровень тревожности диагностирован у 27% женщин, принимавших участие в нашем исследовании. У 33% участниц нашего исследования было диагностировано умеренное проявление реактивной тревожности и у 40% — высокий уровень.

По шкале личностной тревожность мы получили следующие результаты: у 15% диагностирован низкий уровень; у 45% умеренное проявление тревожности и у 40% высокий уровень данного вида тревожности.

В группу женщин с детьми старше года мы видим иное распределение ответов. Так по шкале ситуативной тревожности отмечается тенденция к снижению высокого уровня данного показателя: 33% респондентов имеют высокий уровень реактивной тревожности, тогда как в группе после родов этот показатель составил 40%. Умеренный уровень ситуативной тревожности продемонстрировали 53% опрошенных, 14% — низкий уровень.

Что касается личностной тревожности, то мы видим, что у 40% женщин, принявших участие в исследовании, диагностирован высокий уровень тревожности, у 40% — умеренный, а у 20% — низкий.

Также отметим, что средний показатель реактивной тревожности у группы женщин после родов составил 43%. Значение стандартного отклонения 13,7 является большим и свидетельствует о большом разбросе значений в представленном перечне. У группы с детьми старше года показатель реактивной тревожности несколько ниже — 41%. Значение стандартного отклонения 10 также является большим и свидетельствует о большом разбросе значений в представленном перечне. Согласно нормативным данным эти показатели соответствуют умеренному уровню выраженности ситуативный тревоги. Разница в этих значениях незначительна, что свидетельствует о схожести уровней реактивной тревожности между обеими группами. Однако группа с детьми до года продемонстрировала немного более высокий уровень тревожности, что может быть связано с дополнительными стрессовыми факторами, характерными для освоения женщиной навыков ухода за младенцем, гормональными изменениями и адаптацией женщины к новой роли.

Показатель личностной тревожности у респондентов в послеродовом периоде в среднем составил 44%. Значение стандартного отклонения 12 является большим и свидетельствует о большом разбросе значений в представленном перечне. У респондентов с детьми старше года средний показатель личностной тревожности — 41%, а значение стандартного отклонения соответствует 11, что также является большим и свидетельствует о большом разбросе значений. Согласно нормативным данным эти показатели соответствуют умеренному уровню выраженности ситуативный тревоги. Это также подтверждает тенденцию к более высокому уровню тревожности среди женщин, недавно ставших матерями, что может быть обусловлено внутренними переживаниями и беспокойством о благополучии ребёнка.

Таким образом, результаты исследования показывают, что женщины в послеродовом периоде имеют несколько более высокий уровень как реактивной, так и личностной тревожности по сравнению с женщинами, воспитывающими детей старше года. Это может свидетельствовать о повышенном стрессе, испытываемом молодыми мамами, в период адаптации к новой роли.

Продолжим анализ полученных нами результатов, перейдем к анализу ответов по методике А. Уэссмана и Д. Рикса «Самооценка эмоциональных состояний». Результаты представлены на рисунке 2.

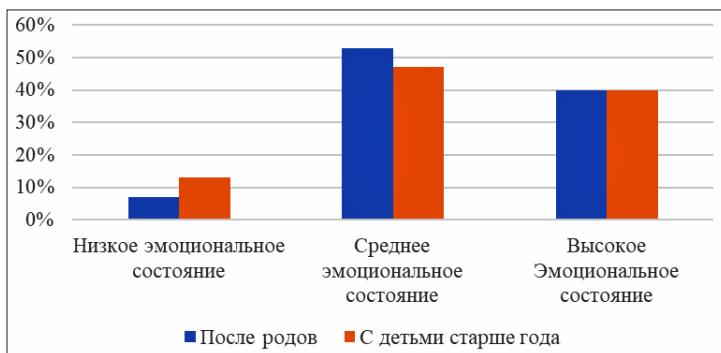

Рис. 2. Результаты исследования самооценок эмоциональных состояний по тесту «Методика самооценки эмоциональных состояний» А. Уэссмана и Д. Рикса

Согласно полученным результатам, на рисунке 2 мы видим, что у респондентов обеих групп преобладают средний и высокий уровни эмоционального состояния, что свидетельствует в целом о благоприятном эмоциональном фоне участников исследования.

В группе респондентов после родов средний уровень эмоционального состояния выявлен у 53% опрошенных, высокий уровень — у 40%, тогда как низкий уровень зафиксирован у 7% респондентов.

В группе участников с детьми старше года также преобладает средний уровень эмоционального состояния — 47%, при этом высокий уровень зафиксирован у 40% опрошенных, а низкий уровень — у 13% респондентов.

Рассмотрим детальнее ответы по шкалам. По всем шкалам мы наблюдаем небольшой положительный вектор по всем состояниям у женщин, воспитывающих детей старше года. Несмотря на то, что средние баллы в каждой группе

соответствуют средним значениям эмоционального состояния, некоторые респонденты продемонстрировали также низкие значения.

Так, частотный анализ ответов в группе «после родов» по шкале «Спокойствие — Тревожность» показал, что 33% респондентов оценивают своё состояние как низкое, что говорит о преобладании тревожности. Также 13% оценили своё состояние по шкале как среднее, а 53% — как высокое. В то же время в группе с детьми старше года лишь 13% респондентов оценили своё состояние по шкале как низкое, ещё 33% выбрали ответы, соответствующие среднему значению, а ещё 53% оценивают своё состояние как высокое, то есть преобладает полюс спокойствия.

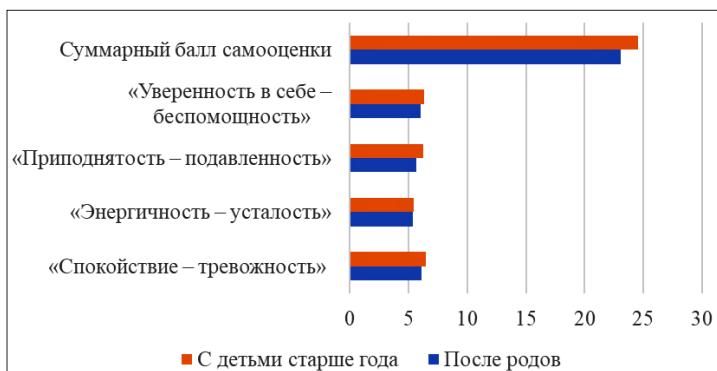

Рис. 3. Результаты исследования самооценок эмоциональных состояний по тесту «Методика самооценки эмоциональных состояний» А. Уэссмана и Д. Рикса, с детализацией шкал (средние значения в каждой группе)

Частотный анализ данных по шкале «Энергичность — Усталость» у женщин в группе «после родов» показал, что у 47% участниц не преобладает ни одна шкала, для 20% характерна шкала «Энергичность», для 33% — «Усталость». В группе с детьми старше года мы получили следующие результаты по указанной выше шкале: у 27% участниц преобладает полюс «Усталость», у 40% — средние значения, ещё 33% оценили своё состояние как энергичное.

Частотный анализ шкалы «Приподнятость настроения — подавленность» в группе «после родов» выявил средние оценки по этой шкале у 53% участниц, у 20% отмечается преобладание полюса «Подавленность», ещё у 27% — «Приподнятость». У участниц из группы «с детьми старше года» преобладают

средние оценки — 47% ответов, ещё 40% участниц оценили своё состояние как высокое, а у 13% преобладает полюс «Подавленность».

В результате частотного анализа данных, полученных по шкале «Уверенность в себе — чувство беспомощности» в группе «после родов», мы видим, что у 53% женщин преобладает шкала «Уверенность в себе», 20% оценивают своё состояние по данной шкале как среднее, 27% склоняются к шкале «Чувство беспомощности». У женщин с детьми старше года преобладают средние значения — 53%, у 40% респондентов преобладает полюс «Уверенность в себе», у 7% участницы отмечается преобладание шкалы «Чувство беспомощности».

Частотный анализ показателей оценки общего состояния показал, что в группе респондентов в после родов средний уровень эмоционального состояния отмечается у 53% опрошенных, высокий уровень — у 40%, тогда как низкий уровень зафиксирован у 7% респондентов. В группе участников с детьми старше года также преобладает средний уровень эмоционального состояния — 47%, при этом высокий уровень зафиксирован у 40% опрошенных, а низкий уровень — у 13% респондентов.

По результатам исследования мы наблюдаем в целом благоприятный эмоциональный фон как в послеродовом периоде, так и при воспитании детей старше года. При этом прослеживается позитивная динамика в самооценке эмоционального состояния по мере взросления ребёнка.

На основании проведённого исследования можно заключить, что материнство представляет собой сложный динамический процесс, в ходе которого происходит последовательная трансформация эмоционального состояния женщины.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на объективные трудности периода адаптации к материнству, большинство женщин постепенно вырабатывают механизмы эмоциональной регуляции и обретают психологическую стабильность. Этот факт может свидетельствовать о значительном адаптивном потенциале женщин в контексте родительства.

Вместе с тем полученные результаты также демонстрируют, что женщины, недавно родившие ребенка, испытывают выраженную тревожность и переживают снижение эмоционального фона. Подобные состояния не только ухудшают качество жизни самих матерей, но и потенциально могут влиять на детско-родительские отношения и развитие ребёнка.

Таким образом, представленные выводы открывают перспективы для дальнейшего изучения психологических аспектов материнства и разработки актуальных мер поддержки и сопровождения женщин в период родительства.

Литература:

1. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. — М.: Эксмо, 2007. — 416 с.
2. Корнетов Н.А. Послеродовая депрессия — центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства. Бюллетень сибирской медицины. 2015;14 (6):5–24. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2015-6-5-24>
3. Практикум по общей психологии: учебно-метод. пособие: в 2 т. / авторы-сост: Л. И. Ларионова, Л. Н. Азарова, А. М. Двойнин, В. М. Поставнев, И. В. Поставнева, О. А. Шаграева; под ред. Л. И. Ларионовой, А. И. Савенкова. — Т. 2. — М.: МГПУ, 2018. — 200 с.
4. Полуэктова О. Г. Психологические особенности послеродового состояния женщин (обзор литературы, краткий) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-poslerodovogo-sostoyaniya-zhenschin-obzor-literatury-kratkiy> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: учебное пособие для вузов / Г. Г. Филиппова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023.

П Е Д А Г О Г И К А

Воспитание гражданственности и патриотизма в рамках реализации курса внеурочной деятельности «Разговоры о важном» (на примере классов «Волжаночка» МОУ гимназия № 9 г. Волгограда)

Грекова Антонина Анатольевна, заместитель директора по УВР, учитель;

Киктева Юлия Геннадьевна, методист, учитель;

Ренкунас Мария Викторовна, советник директора по воспитанию

МОУ «Гимназия № 9 Кировского района Волгограда»

В статье рассматриваются вопросы воспитания гражданственности и патриотизма в рамках реализации проекта ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания» «Курс внеурочной деятельности «Разговоры о важном»» на примере обучающихся классов «Волжаночка» МОУ гимназии № 9 г. Волгограда

Ключевые слова: проект «Разговоры о важном», внеурочная деятельность, воспитание патриотизма, женское образование

Сегодня как никогда важно говорить о воспитании подрастающего поколения в духе гражданственности и патриотизма. Эти ценности — основа стабильного общества, преемственности традиций и будущего нашей страны.

Проект ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания» — курс внеурочной деятельности «Разговоры о важном» — стал значимым шагом в системе образования России, выступил как системный подход к формированию мировоззрения школьников через внеурочные занятия. Как же эффективно воспитывать в детях чувство патриотизма и гражданской ответственности в рамках занятий этого цикла? Для начала, несколько слов о важности данного цикла занятий с точки зрения простого учителя. Современные вызовы, такие как глобализация, цифровизация, информационные войны, представляют определенную проблему для педагогов, непосредственно работающих с подрастающим поколением, развивающимся в современном многополярном мире. Ответ на эти вызовы требует укрепления национальной идентичности на основе принятия

подрастающим поколением ценности патриотизма. Патриотизм, воспринимаемый как осознанную любовь к Родине, готовность участвовать в её развитии и нести ответственность за будущее страны. Школа, как ключевой институт социализации, здесь играет одну из ведущих ролей. Через «Разговоры о важном» педагоги могут формировать эмоциональную связь с Родиной, формировать их осознанный выбор в пользу нравственных ценностей.

Как реализовать эти задачи на практике?

1. Личностно-ориентированный подход — обсуждение тем, близких ученикам: история малой родины, семейные традиции, подвиги земляков. Пример: занятие «Герои нашего города» с приглашением ветеранов или представителей местного сообщества

2. Интерактивные форматы — дискуссии, кейсы, проектная работа (например, создание видеороликов «Что для меня значит Родина?» в дополнение к темам «Моя малая Родина», «Что такое Родина?»), использование цифровых ресурсов: виртуальные экскурсии по музеям.

3. Связь с реальными действиями и событиями — волонтёрские акции (помощь ветеранам, экологические проекты), участие в мероприятиях ко Дню Победы, Дню России и другим памятным датам.

4. Межпредметные связи — интеграция с историей, литературой, общественным мнением. Например, анализ патриотических произведений или правовых документов.

Приведем некоторые примеры успешных практик, реализуемых в муниципальном общеобразовательном учреждении «Гимназия № 9 Кировского района Волгограда»:

— «Письмо солдату» — регулярные акции поддержки участников СВО, сочетающие воспитание эмпатии и гражданской позиции

— Исторические квизы, например, ежегодная игра к Международному женскому дню 8 Марта «Великие женщины России», игра-бродилка «Освоение космоса», игра-пазл «Герои моей страны», иные игровые форматы для запоминания ключевых событий

— Экскурсии и тематические встречи в школьном музее «Время и люди» — проекты по сохранению локальной истории силами учеников.

Итак, воспитание гражданственности и патриотизма — одна из ключевых задач современной школы. При этом подход к этой работе не может быть универсальным. Безусловно, важно учитывать возрастные, психологические особенности аудитории. Однако, на наш взгляд, в процессе воспитания недостаточно внимания уделяется гендерным различиям.

В МОУ «Гимназия № 9 Кировского района Волгограда» в течение 10 лет успешно реализуется программа раздельно-параллельного обучения, работают моногендерные классы «Волжаночка» для девочек. Рассмотрение особенностей образовательной программы данных классов не входит в задачи настоящей статьи. Мы рассматриваем в первую очередь особенности реализации цикла занятий внеурочной деятельности «Разговоры о важном» с учетом особенностей женских моногендерных классов «Волжаночка». Следует отметить, что в женских классах патриотическое воспитание приобретает особую глубину, поскольку связано с эмоциональным восприятием, ценностями заботы, милосердия, преемственности и сохранения опыта поколений.

Проект «Разговоры о важном» уже стабильно вошел в структуру воспитательного процесса. Данный цикл внеурочных занятий предоставляет педагогам широкие возможности: не только обсуждать общегосударственные темы, но и адаптировать их под специфику своих учащихся, в нашем случае — девочек и девушек. Перед педагогами МОУ гимназии № 9, которые являются классными руководителями женских классов «Волжаночка», стоит насущный вопрос: как же сделать так, чтобы патриотическое воспитание девушек было осмысленным, лично значимым и мотивирующим?

Рассмотрим некоторые особенности работы с женской аудиторией. Многочисленные исследования в области педагогики и психологии показывают, что девочки и девушки: эмоционально воспринимают информацию, особенно если она связана с человеческими судьбами, семейными ценностями, примерами милосердия и сострадания; ценят диалог — им важно не только услышать мнение педагога, но и выразить своё, обсудить, поразмышлять; лучше вовлекаются через социальную значимую деятельность — волонтёрство, творческие проекты, оказание практической помощи; чувствительны к неискренности — формальный подход или навязывание шаблонов могут вызвать отторжение.

Следовательно, как показывает практика, в женских классах стоит делать акцент на личные истории (женщины-герои, матери, учёные, деятели культуры), гуманитарные аспекты патриотизма (сохранение памяти, милосердие, традиции), практическую деятельность (благотворительность, социальные проекты, творческие инициативы).

Ключевые темы и методы для «Разговоров о важном» в женских классах:

1. Героини в истории России: от прошлого к настоящему. Девочкам важно видеть реальные примеры женщин, которые внесли вклад в развитие страны. Это не только известные личности, но и «незаметные» героини — учитель-

ницы, врачи, матери. Одной из формы работы является урок-портрет. В МОУ гимназия № 9 мы в первую очередь уделяем внимание женщинам, прославившим Сталинградскую и Волгоградскую землю, таким как Александра Пахмутова, Маргарита Агашина, Гуля Королева, Зинаида Маресева. В ходе проекта «Женское лицо Победы» девочки собирали истории о простых женщинах в годы Великой Отечественной войны (медсёстры, труженицы тыла). В ходе занятия «Разговоров о важном», посвященном 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, акцент соответственно смещается на видеофрагмент «Дети войны», который нашел теплый отклик у девушек.

2. Семья как основа общества. Тема семьи, материнства, преемственности поколений особенно близка девочкам-подросткам. Важно показать, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье. Темы занятий «О взаимоотношениях в семье» (2023–2024 учебный год) развивается в проект «История женщин моей семьи», где девочки берут интервью у бабушек, делятся ими с одноклассницами; «Как создать крепкую семью» (2024–2025 учебный год), «Как понять друг друга разным поколениям» (2025 год), «Традиционные семейные ценности» (2023 год) — в обсуждение: «Какие традиции нашей семьи я хочу сохранить? Как я могу это сделать?»

3. Милосердие и социальная ответственность. Патриотизм — это не только гордость за страну, но и готовность помогать тем, кто в этом нуждается. Тема занятия «Миссия — милосердие» особенно актуальна, ведь «Волжаночки» — активные участницы волонтёрских акций (помощь детям-сиротам, пожилым людям, бездомным животным, участникам СВО), в гимназии регулярно проходят встречи с женщинами-волонтёрами.

4. Культура и традиции: женский взгляд. Женщины во все времена были хранительницами традиций, передавали культурные ценности следующим поколениям. Темы занятий «Легенды России», «Одна страна — одни традиции», «День театра», «День музыки» дают возможность продолжить разговор о традициях России через мастер-классы по народным песням, ремеслам, фольклору, кулинарии, всплести занятия рукоделием, входящие в программу дополнительного образования в классах «Волжаночка», в единую канву воспитательного процесса.

5. Современные ролевые модели. Важно показать, что патриотизм — это не только умение гордиться прошлым, но и ценить настоящее. Через встречи с успешными женщинами (например, врачами, предпринимателями) темы занятий «День труда. Мир профессий», «Как решать конфликты и справляться с трудностями? Ко Дню психолога» или «Медицина в РФ» приобретают для де-

вушек и девочек большую значимость, они задаются вопросом: «Как я могу быть полезной своей стране?», осуществляется взаимосвязь с содержанием проекта «Билет в будущее». Современные подростки привыкли иметь широкую вариативность выбора во всех сферах жизни, поэтому особенно важно и в сфере воспитания предоставить им возможность выбирать: девушки сами предлагают те аспекты содержания в рамках предлагаемых в проекте тем «Разговоров о важном», которые их волнуют, тогда эти разговоры становятся действительно важным воспитательным инструментом.

Гражданско-патриотическое воспитание в женских классах строится на трех ключевых принципах:

1. Гордость — не только за великую историю своей страны, но и за людей, которые её создавали.
2. Сопричастность — осознание, что «я могу что-то изменить».
3. Вдохновение — патриотизм воспринимается не как долг, а как естественное желание делать добро на благо своей Родины.

Задача педагогов — показать, что: любовь к Родине начинается с малого — с заботы о близких, помощи другим, уважения к традициям; женщины всегда играли ключевую роль — и сегодня их вклад не менее важен. Тогда «Разговоры о важном» становятся для наших учениц не просто очередным обязательным внеурочным занятием, а пространством для осознания своей роли в будущем России.

Литература:

1. Методические рекомендации «Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации» (Утверждены Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» 10.10.2022): сайт. URL: <https://www.xn--b1azcy.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniyagrashdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf>
2. Методические рекомендации по реализации цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном»: сайт. URL: <https://institutvospitaniya.ru/projects/kurs-vneurochnoy-deyatelnosti-razgovory-o-vazhnom>

Особенности организации логопедической работы по развитию лексики у старших дошкольников с общим недоразвитием речи

Грязнова Юлия Петровна, учитель-логопед

МБДОУ Детский сад № 6 «Карусель» г. Белгорода

На сегодняшний день большое количество детей сталкивается с различными речевыми нарушениями, в том числе и с общим недоразвитием речи. По данным Российской академии образования, в России насчитывается свыше 75 тысяч детей, имеющих речевые нарушения, что свидетельствует о необходимости проведения ранней диагностики и комплексной работы для их успешного обучения и социальной адаптации.

Российский ученый А. Н. Гвоздев в своих исследованиях неоднократно рассматривал особенности речи у детей с ОНР, обращая внимание на существенные различия в развитии связной речи у нормотипичных детей и у детей с общим недоразвитием речи.

По мнению А. Н. Гвоздева, основными характеристиками детей с ОНР являются:

- нарушение способности составлять самостоятельные высказывания, рассказы, описания ситуаций и предметов;
- неумение выражать мысли и потребности чётко сформулированными фразами;
- возникновении трудностей при употреблении грамматических категорий частей речи;
- наличие упрощенной синтаксической структуры построения предложений, частое использование коротких фраз;
- низкий уровень автоматизации звукопроизношения, замена одних звуков другими [1].

Р. И. Лалаева в своих исследованиях акцентирует внимание на проблемах развития лексики у детей с общим недоразвитием речи, выделяя следующие особенности:

1. Ограничность словарного запаса. Дети не знают многих слов, например, названий ягод, птиц, инструментов, профессий, частей тела и предметов.
2. Расхождение между объёмом пассивного и активного словарей. Пассивный словарь включает в себя слова, которые ребёнок понимает и распознаёт, даже если сам их не использует, а активный словарь состоит из тех слов, которые ребёнок активно применяет в своей повседневной речи. При ОНР отмечается значительное расхождение между этими двумя показателями, в свою очередь,

ребёнок может прекрасно воспринимать большое количество слов, но испытывать трудности при их самостоятельном применении.

3. Неточность употребления слов. Эта особенность проявляется в двух основных формах:

- в широкой трактовке, когда дети применяют слово для обозначения разных понятий, не учитывая специфики конкретного случая;
- в узкой трактовке — обратной ситуации, когда дети применяют слово в одном конкретном значении, игнорируя остальные возможные смыслы.

4. Ошибки при подборе антонимов и синонимов. Данные нарушения обусловлены возникающими у детей трудностями при выстраивании логической связи между противоположными или схожими по значению словами.

5. Недостаточный уровень сформированности лексических средств языка. Появляются проблемы с восприятием и правильным использованием фраз и пословиц, употребляемых в переносном значении, так как дети воспринимают их буквально, упуская скрытый смысл и подтекст [2].

С целью выявления уровня сформированности лексики у детей с общим недоразвитием речи было организовано экспериментальное исследование, которое проводилось на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения детский сад № 6 «Карусель» г. Белгорода. Количество испытуемых составило 13 детей старшего дошкольного возраста с общим с общим недоразвитием речи III уровня. Исследование состояло из трех этапов:

1. Констатирующий этап включал оценку уровня сформированности лексики у старших дошкольников с общим недоразвитием речи.

2. Формирующий этап предполагал проведение логопедической работы по развитию лексики у старших дошкольников с ОНР.

3. Контрольный этап заключался в проверке эффективности проведенной логопедической работы.

Для оценки уровня сформированности лексики у старших дошкольников с ОНР на констатирующем этапе экспериментального исследования нами была выбрана методика И. А. Смирновой [4].

Цель выбранной методики — обследование словарного запаса детей.

Методика состоит из 2-х блоков:

1. Понимание и употребление слов номинативного лексического значения.
2. Выявление состояния структурного аспекта лексических значений слов.

Первый блок включает пять заданий, направленных на обследование состояния номинативного глагольного, атрибутивного словаря, словаря чисительных и предлогов.

Второй блок содержит в себе два задания на исследование лексических парадигм (антонимия и синонимия), изучение способности детей называть части целого.

Оценка результатов:

Высокий уровень — 142–170 баллов;

Средний уровень — 98–141 балл;

Низкий уровень — менее 98 баллов.

Результаты исследования представлены на рис. 1.

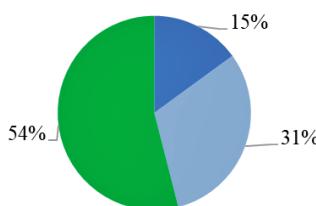

Рис. 1 Уровень сформированности лексики у старших дошкольников с ОНР

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод, что у большинства детей с ОНР — 54% диагностирован низкий уровень сформированности лексики, у 31% выявлен средний уровень, у оставшихся 15% — высокий.

Дети с высоким уровнем лексического развития в ходе исследования номинативного словаря уверенно называли предметы сразу после просмотра изображений, демонстрируя высокую точность ответов. Несмотря на это, при исследовании глагольного словаря у детей возникли трудности при назывании слов-действий и состояний: «бабушка-вязет», «механик-чинит», «девочка — злится», остальные задания были выполнены быстро и уверенно. Дети также правильно называли все качественные и притяжательные прилагательные, но столкнулись с трудностями при образовании относительных прилагательных: «шелковый», «стеклянnyй», «шерстяной». Также у дошкольников возникли затруднения при назывании порядковых числительных, хотя с количественным счётом они справились успешно. Называние предлогов ни у кого из детей значительных затруднений не вызвало. При подборе антонимов и синонимов дети допустили следующие ошибки: высокая — невысокая, сильный — несильный, автобус едет (движется), кошка крадется (подирается). Последнее задание «Часть-целое» выполнено детьми успешно, допущенные ошибки были незначительными и не оказали влияние на общий положительный результат выполнения заданий.

Дети со средним уровнем лексического развития показали лучшие результаты в задании «Часть-целое», успешно называя части предмета с помощью подсказок логопеда, что свидетельствует о сформированном понимании связей между объектом и его компонентами. Тем не менее у детей вызвало сложности задание на образование относительных и притяжательных прилагательных, что говорит о низком уровне сформированности атрибутивного словаря. Качественный и порядковый счёт производились совместно с логопедом. Особенные трудности вызывало задание на исследование активного словаря предлогов, при выполнении которого дети неправильно использовали предлоги или вовсе пропускали их в предложениях.

Дети с низким уровнем лексического развития допускали многочисленные ошибки при выполнении заданий по исследованию атрибутивного и глагольного словарей. Дошкольники использовали общие или неподходящие слова для характеристики предметов и действий, путали материалы (называли деревянную ложку «стеклянной») и действия, при назывании предметов использовали слова «хороший» и «красивый», избегая детализирующих прилагательных. Помимо этого, дети сталкивались с серьезными затруднениями при подборе антонимов и синонимов к словам, были вынуждены обращаться за помощью к логопеду. Дошкольникам требовалось больше времени на обдумывание заданий, они долго размышляли и искали правильные ответы, а в некоторых заданиях и вовсе говорили «не знаю», отказывались отвечать, заявляя, что не могут подобрать подходящее слово или действие.

Анализируя полученные результаты на констатирующем этапе эксперимента, можно сделать вывод, что у старших дошкольников с общим недоразвитием речи выявлена существенные отличия в уровнях развития активного и пассивного словарей. У детей преобладает использование имен существительных и глаголов, обозначающих знакомые предметы и действия, а вот слова, описывающие качества, признаки, состояния предметов и действий, практически не используются.

Проведение констатирующего этапа исследования и анализ полученных результатов подтвердили необходимость проведения логопедической работы по формированию лексики у старших дошкольников с общим недоразвитием речи.

На формирующем этапе экспериментального исследования осуществлялась логопедическая работа по формированию лексики старших дошкольников с общим недоразвитием речи в форме индивидуальных, подгрупповых

и фронтальных занятий, проводимых в соответствии с календарно-тематическим планированием и индивидуальными планами.

В программу по развитию лексики у старших дошкольников с ОНР были включены дидактические игры и игровые упражнения, так как они представляют собой эффективный инструмент для коррекции речевых нарушений, поскольку стимулируют мышление, развивают память, воображение и способствуют активности ребенка.

Примеры дидактических игр и упражнений: «Скажи наоборот», «Какой?», «Какая?», «Какие?», «Один-много», «Чудесный мешочек», «Часть целого», «Назови ласково», «Закончи предложение», «Кто что делает», «Что из чего сделано».

Также в программу были включены ролевые игры, которые не только способствуют развитию лексики, но и коммуникативных навыков у детей с общим недоразвитием речи. Такие игры создают благоприятные условия для обогащения словарного запаса и способствуют речевому развитию.

Примеры ролевых игр: «Магазин», «На приеме у врача», «День рождения», «Поездка на автобусе», «Поход в музей», «На уроке в школе».

Помимо ролевых и дидактических игр и упражнений использовались загадки. Отгадывание загадок формирует навыки классификации предметов и явлений, развивает слуховую память, внимание и логическое мышление. Благодаря загадкам дети учатся понимать метафоричность и переносный смысл слов, обогащают свой словарный запас и улучшают речевую выразительность.

После проведения логопедической работы на контрольном этапе было проведено повторное исследование уровня сформированности лексики у старших дошкольников с ОНР с использованием тех же диагностических заданий, что и на начальном этапе. Результаты исследования представлены на рис. 2.

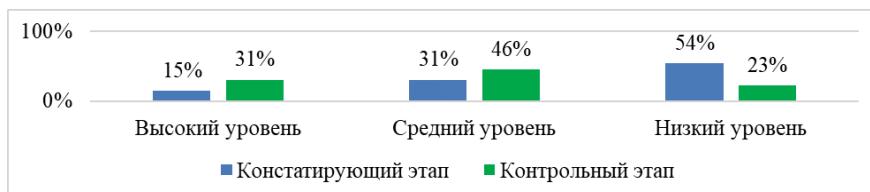

Рис. 2 Сравнительный анализ результатов исследования уровня сформированности лексики у старших дошкольников с ОНР на констатирующем и контрольном этапах исследования

Проанализировав полученные результаты, представленные на рис. 2, можно сделать вывод, что процентный показатель детей с высоким уровнем сформированности лексики увеличился на 16%, у дошкольников со средним уровнем отмечается увеличение процентной составляющей на 15%, количество детей с низким уровнем снизилось на 31%.

После реализации логопедической работы у дошкольников выявлена положительная динамика в формировании лексики. Дети стали значительно лучше выполнять задания, связанные с называнием предметов и их признаков, научились понимать и использовать предлоги в зависимости от контекста, что раньше представляло для них серьёзную трудность, также у испытуемых было отмечено качественное улучшение в развитии глагольного словаря. На констатирующем этапе исследования было выявлено, что большинство дошкольников испытывало трудности в образовании прилагательных, но после проведения логопедической работы данные навыки значительно улучшились. Помимо этого, дети смогли разобраться в понятиях синонимов и антонимов, был отмечен заметный прирост словарного запаса, уровень сформированности коммуникативных навыков существенно увеличился: ребята начали свободнее общаться со взрослыми и сверстниками, вести беседу, активно интересоваться различными темами, четко формулировать собственные высказывания.

Подводя итог, можно сделать вывод, что проведение систематической логопедической работы по развитию лексики у детей с общим недоразвитием речи играет важную роль, поскольку недостаточное владение словарем ограничивает возможности ребенка понимать речь окружающих, препятствует будущему успешному обучению в школе, а также негативно оказывается на коммуникативных способностях дошкольника. Стоит отметить, что обогащение активного и пассивного словарей позволяет детям лучше ориентироваться в окружающем мире, формируя представления о предметах, явлениях и отношениях между ними, а также способствует преодолению трудностей в овладении грамматическими категориями, формировании связной речи и способности последовательно и четко выражать собственные мысли. Кроме того, расширение словарного запаса положительно влияет на интеллектуальное развитие ребенка, формирует уверенность в себе и создает основу для успешного социального взаимодействия. Таким образом, своевременная и целенаправленная логопедическая работа является необходимым условием полноценного личностного и познавательного развития детей с нарушениями речи, обеспечивая необходимые условия для их интеграции в общество и дальнейшей социализации.

Литература:

- Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. — Санкт-Петербург: Детство — Пресс, 2007. — 472 с.
- Лалаева Р. И. Формирование лексики и грамматического строя у дошкольников с общим недоразвитием речи / Л. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова. — Санкт-Петербург: Союз, 2001. — 222 с.
- Смирнова Л. Н. Логопедия в детском саду. Занятия с детьми 5–6 лет с общим недоразвитием речи: Пособие для логопедов, дефектологов и воспитателей / Л. Н. Смирнова. — М.: Мозаика-Синтез, 2006. — 80 с.

К вопросу о трудностях адаптации первоклассников с задержкой психического развития

Зонина Наталья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Юденкова Ирина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного научно-исследовательского университета имени Н.И. Лобачевского

В статье рассматриваются особенности и трудности адаптации детей с задержкой психического развития (ЗПР), обучающихся в первом классе начальной школы. Анализируются современные исследования в рамках адаптации детей с ЗПР, проводится исследование особенностей и трудностей, с которыми сталкиваются ученики первых классов с ЗПР.

Ключевые слова: задержка психического развития, адаптация, начальная школа, особенности адаптации, трудности адаптации, первоклассники

Одной из актуальных задач современного образования является реализация инклюзивной практики, обучение детей с ОВЗ в целом, а детей с ЗПР в частности, в условиях общеобразовательных учреждений. В связи с этим, остро встает вопрос об оказании квалифицированной психологического-педагогической помощи первоклассникам с ЗПР в период адаптации к школе.

Изучение данной категории детей, их особенностей началось в 60-е годы 20 века и продолжается по настоящее время. Понятие «задержка психического развития» представляет собой особый вид аномалии, проявляющийся в нарушении нормального уровня психики ребёнка. По мнению Т.А. Власовой и М.С. Певзнер, ЗПР характеризуется отставанием в развитии и эмоциональной незрелостью [1]. Исследованием разных аспектов работы с данной категорией детей занимались: Ульянкова У.В., Шевченко С.Г., Тригер Р.Д. [2, 3] и др.

Ульянкова У.В. в своих работах отмечает, что детям с ЗПР нужно больше времени по сравнению с нормотипичными детьми для приспособления к новым условиям, у них чаще обнаруживается сниженная работоспособность, проблемы с саморегуляцией поведения, трудности в установлении социальных контактов [2]. Эти особенности и трудности оказывают влияние на период адаптации этих детей к новым для них условиям школы.

Наше исследованию было посвящено выявлению трудностей ребят впервые месяцы их пребывания в школе. С этой целью мы использовали методику Лускановой Н.Г., направленную на изучение школьной мотивации, Прихожан А.М. по выявлению школьной тревожности и Щур В.Г. «Лесенка» на самооценку. Ниже представим полученные результаты.

По определению школьной мотивации мы выяснили, что у 80% первоклассников отсутствует желание ходить в школу чтобы учиться. Им больше нравятся перемены, когда можно поиграть в любимые игрушки, которые ребята приносят с собой. На уроке они лучше выполняют задания учителя, которые не требуют серьезных интеллектуальных затрат или, когда им помогает учитель. То есть этих ребят характеризует наличие низкой школьной мотивации. Хорошая школьная мотивация была выявлена у 20% учащихся. Мы предполагаем, что это связано с тем, что родители этих детей выполняли общие рекомендации педагога по адаптации детей. Высокого уровня школьной мотивации среди опрошенных не выявлено.

Результаты, полученные по методике Лускановой Н.Г. отражены на рисунке 1.

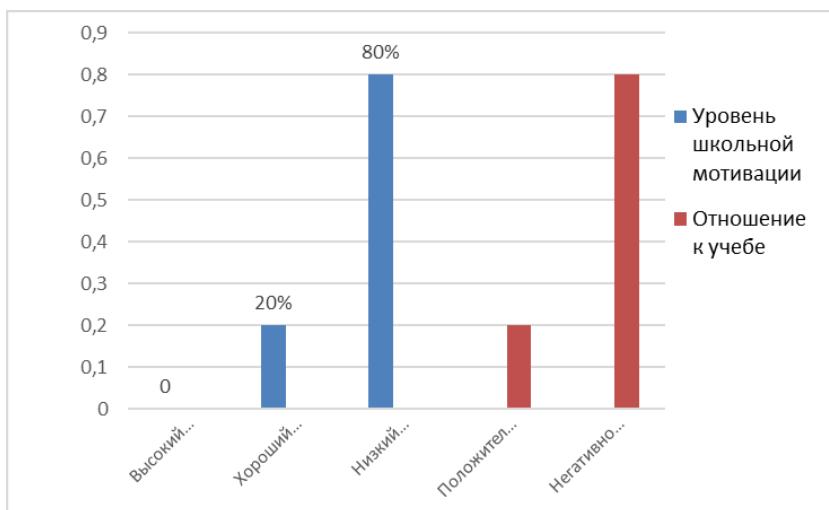

Рис. 1. Результаты анкеты школьной мотивации Н. Г. Лускановой

При изучении школьной тревожности обучающихся нами были выявлены следующие факты:

- у 60% исследуемых выявлено, что ребята, испытывающие тревожность причиной своего состояния считают различные ситуации, связанные со школой. Изменения вида деятельности, освоение роли ученика, необходимость следовать четким школьным правилам, изменяющаяся ситуация — все это создает для обучающихся с задержкой психического развития активный фон для нарастающих переживаний и внутреннего волнения;
- второй и третьей по значимости из причин, составляющей 20%, которые назвали дети, являются общение с родителями и ощущение одиночества. Смена коллектива, адаптация, попытка влиться в учебную деятельность усиливают ощущение одиночества первоклассников, на фоне чего растет их внутренняя тревожность. Отношения с родителями также беспокоят обучающихся в равной степени, поскольку к детям предъявляются новые требования со стороны семьи, возникают новые обязанности и ожидания, с которыми ребенку не так просто справиться в стремительно изменившейся ситуации.

По результатам исследования источником тревожности у первоклассников с ЗПР общение со сверстниками не является. Дети не испытывают трудности во взаимодействии с одноклассниками.

Результат проективной методики диагностики школьной тревожности Прихожан А. М. отображен на рисунке 2.

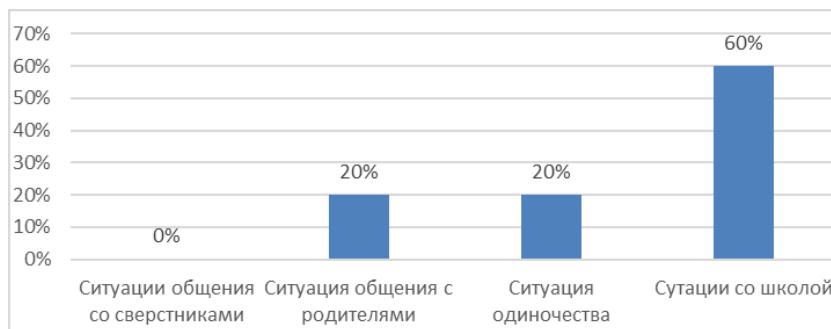

Рис. 2. Результаты проективной методики диагностики школьной тревожности А. М. Прихожан

Обращаясь к исследованию самооценки первоклассников посредством проективной методики В. Г. Щур «Лесенка» было установлено, что у 80% ребят низкий уровень самооценки. По нашим предположениям это может быть связано с шаткой позицией в рамках семьи и только формирующегося коллектива сверстников. Часто обучающиеся с задержкой психического развития, попадая в новый коллектив, как и все дети, сравнивают себя с другими и приходят к выводу, что им недостает тех или иных качеств и умений. Отсюда берет начало низкая самооценка, уроки даются не так легко, как одноклассникам, задания не всегда получается понять с первого раза, все это происходит ввиду специфики развития высших психических функций данной категории обучающихся. Тем не менее, дети склонны испытывать проблемы с самооценкой, заниматься самоуничижением и сравнивать свои успехи с чужими в негативном ключе. Ситуация в семье и поддержка со стороны родителей также имеет немаловажную роль в оценке ребенком самого себя. В процессе адаптации первоклассников имеет место быть стресс не только у детей, но и у их родителей, стоит также не забывать о различном уровне педагогической компетентности семей.

У 20% опрошенных был выявлен адекватный уровень самооценки, что в рамках нашего исследования говорит о том, что ребята способны не сливаться со своими учебными достижениями и имеют поддержку со стороны семьи в процессе формирования отношения к себе.

Результаты проективной методики Щур В.Г. «Лесенка» отображены на рисунке 3.

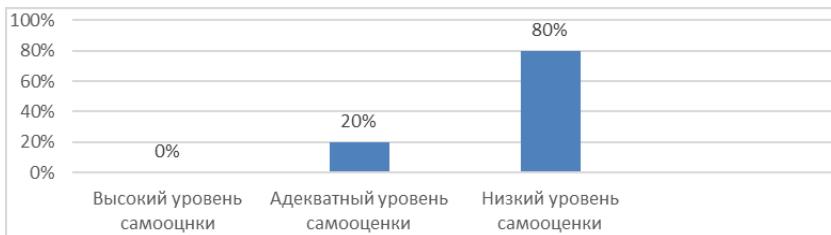

Рис. 3. Результаты проективной методики «Лесенка» В. Г. Щур

На основании вышеперечисленных результатов исследования мы приходим к выводу, что 80% первоклассников с задержкой психического развития испытывают трудности в адаптации, которые могут быть связаны не только с особенностями развития детей, но также с особенностями их выстраивания отношений со сверстниками и взрослыми, особенностями построения их самооценки, особенностями воспитания в семье, низкой готовностью к учебной деятельности.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что период адаптации в первом классе — это нелегкое время для всех участников образовательного процесса. Именно поэтому существует необходимость изучения и уточнения ее специфики, а также способов помощи, профилактики и сопровождения первоклассников с ЗПР в начале школьного обучения.

Литература:

1. Власова Т.А., Певзнер М. С. Дети с задержкой психического развития / Т.А. Власова, М. С. Певзнер. — М.: Просвещение, 2023. — 208 с.
2. Ульянкова У. В. Психологические особенности дошкольников с задержкой психического развития / У.В. Ульянкова. — Н. Новгород: НГПУ, 2023. — 192 с.
3. Шевченко С. В. Коррекционно-развивающее обучение детей с задержкой психического развития / С. В. Шевченко. — М.: Владос, 2024. — 224 с.

Проблема формирования лексического навыка на уроках иностранного языка в основной школе

Мягкова Мария Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гладнева Светлана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

В статье рассматривается проблема формирования лексического навыка на уроках английского языка в основной школе. Анализируются психолого-возрастные особенности подросткового периода, оказывающие непосредственное влияние на эффективность усвоения лексического материала. Особое внимание уделено критическому анализу методических неразработанностей в данной области, включая недостаточность системной работы с коллокациами и социокультурным компонентом значения слова. Делается вывод о необходимости эволюции от количественного накопления слов к качественному формированию лексической компетенции в единстве всех ее аспектов.

Ключевые слова: лексические навыки, английский язык, основная школа, коммуникативная компетенция, методика преподавания, коллокации, возрастные особенности.

Формирование лексических навыков справедливо считается одной из главных задач изучения иностранного языка. По мнению Н.Д. Гальсковой, именно лексический запас, его объём, доступность и гибкость использования становятся основным фактором, определяющим способность учащегося к реальной коммуникации [2]. В основной школе данный процесс приобретает особую значимость и специфику. Этот образовательный этап знаменует переход от начального, во многом имитационного усвоения языка, к более осознанному и системному. Перед учащимися ставятся задачи понимания аутентичных текстов, участия в диалогах на широкий круг тем, выражения собственных мыслей и мнений, что неизбежно требует резкого расширения активного и пассивного словарного запаса.

Однако актуальность вопроса обусловлена не только возросшими требованиями, но и наличием устойчивых проблем в школьной практике. С. Торнбери в своих исследованиях отмечает, что зачастую обучение лексике сводится к механическому запоминанию списков изолированных слов и их переводных эквивалентов, что не обеспечивает формирования собственно навыка — способности к автоматизированному и адекватному применению

[12]. Существует заметный разрыв между коммуникативным подходом и реальными методами работы со словарным составом языка в массовой школе. Данное противоречие определяет цель настоящей статьи: на основе анализа возрастных особенностей учащихся и современных методических тенденций выявить ключевые, недостаточно разработанные аспекты формирования лексических навыков.

Успешность любой методики напрямую зависит от ее соответствия возрастным возможностям и потребностям обучающихся. Подростковый период (11–15 лет) характеризуется рядом особенностей, которые педагогу необходимо учитывать при планировании работы с лексикой.

Ключевым изменением, отмеченным в психолого-педагогических исследованиях Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, является интенсивное развитие абстрактно-логического мышления. Учащиеся приобретают способность к анализу, классификации и установлению сложных ассоциативных связей [1,8]. Это открывает путь к системной работе с лексикой: группировке слов по тематическому принципу, работе с синонимическими рядами и антонимами, осознанному выявлению словообразовательных моделей (аффиксация, конверсия). Лексика перестаёт восприниматься как набор отдельных единиц, а начинает выстраиваться в сети и поля.

Параллельно, по мнению Э. Эрикsona, ярко проявляется социально-психологическая потребность в самоутверждении и признании со стороны сверстников [9]. Это формирует запрос на личностную значимость учебного материала. А. Н. Щукин отмечает, что лексика, связанная с сферами личных интересов подростка (музыка, спорт, технологии, социальные отношения, актуальные мировые проблемы), усваивается гораздо охотнее и прочнее [7]. С другой стороны, отмечается снижение толерантности к монотонной, рутинной деятельности. Длительные упражнения на простое повторение и списывание слов быстро приводят к потере внимания и утомлению.

Подтверждая идеи отечественных ученых, Р. Гейрнс пишет, что эффективная методика для основной школы должна быть системной, чтобы опереться на развивающееся логическое мышление; личностно-ориентированной, чтобы удовлетворить потребность в самореализации; и разнообразной, интерактивной, чтобы поддерживать интерес и концентрацию [10]. Эти принципы служат фундаментом для отбора конкретных методов и приёмов.

Несмотря на обилие эффективных приемов, в практике преподавания английского языка в основной школе сохраняется ряд существенных пробелов, снижающих общий уровень лексической компетенции учащихся.

Одной из наиболее значимых проблем является отсутствие целенаправленной и системной работы с лексической сочетаемостью (коллокациями). А.А. Миролюбов отмечает, что учебно-методические комплексы часто фиксируют внимание на переводе отдельных слов, игнорируя их типичное окружение. В результате учащиеся, зная слова «принимать» и «решение», производят кальку «take a decision» вместо правильного «make a decision» [5]. Эта ошибка следует из методики, не выделяющей коллокации как основной объект изучения.

Тесно связана с этим проблема фрагментарного подхода к многозначности и синонимии. С. Торнбери подчеркивает, что многозначные слова усваиваются, как правило, лишь в одном значении, без выстраивания смысловых связей между разными его оттенками [12]. Работа с синонимами сводится к их механическому перечислению, без тонкого анализа различий в сочетаемости, стилистической окраске или коннотации, что приводит к неточному или неверному словоупотреблению.

Кроме того, Н.Д. Гальскова отмечает слабую интеграцию лингвострановедческого компонента в значение слова. Лексика преподносится в отрыве от культурного контекста её употребления. Ученик может знать слово «чай» (tea), но оставаться в неведении относительно культурных практик, связанных с «afternoon tea» или «tea-break», что обедняет понимание и порождает неестественную речь [3].

Наконец, система контроля лексических навыков часто остается архаичной, сводясь к тестам на перевод или заполнению пропусков в изолированных предложениях. При этом, как подчеркивает И.Л. Колесникова, практически не проверяется такая важная составляющая, как «лексическая грамматика» — правильное использование артиклей, предлогов, устойчивых конструкций, а также способность к синонимическому замещению или парофразу [4].

Преодоление указанных проблем требует комплексной корректировки как содержания обучения, так и применяемых педагогических технологий.

Первостепенной задачей является интеграция работы с коллокациями в каждый урок. По мнению А.Н. Щукина, новое слово должно предъявляться сразу в составе 1–2 наиболее частотных и полезных словосочетаний. Тренировочные упражнения должны включать задания на подбор правильной пары к слову, соединение предложений с готовыми сочетаниями, исправление ошибок в сочетаемости [7].

Работа с многозначностью и синонимией в свою очередь нуждается в систематизации. С. Торнбери подчеркивает, что эффективно использование схем,

диаграмм Венна для визуализации отношений между значениями и синонимами. Необходимы контекстные задания на выбор точного слова из синонимического ряда для передачи конкретного оттенка смысла [12].

Обогащение же культурного контекста, по мнению Дж. Хармера, достигается через постоянное использование аутентичных материалов: коротких видео, отрывков из статей, блогов, подкастов, песен, которые демонстрируют живую, естественную среду употребления лексики [11].

Контроль должен быть переориентирован с проверки памяти на проверку умения использовать. А.А. Миролюбов подчеркивает, что в него следует включать задания на параграф, редактирование текстов с лексическими ошибками, создание связных устных или письменных высказываний с обязательным использованием заданного набора слов и выражений в правильных сочетаниях [5].

Таким образом формирование лексических навыков у учащихся основной школы представляет собой сложный, многомерный процесс, являющийся основой для развития иноязычной коммуникативной компетенции в целом. Его успешность определяется не столько количеством заученных слов, сколько глубиной и качеством их усвоения, включающего знание сочетаемости, стилистических нюансов и культурных коннотаций.

Современная методика располагает широким спектром эффективных методов, соответствующих возрастным особенностям подростков и этапам формирования навыка. Однако устойчивое существование значительных методических неразработанностей — в области обучения коллокациям, синонимии и лингвострановедческому аспекту лексики — указывает на необходимость пересмотра традиционных подходов. Требуется смещение акцента с экстенсивного накопления словарного запаса на интенсивное, качественное формирование лексической компетенции, понимаемой как способность точно, уместно и идиоматично использовать языковые ресурсы для решения коммуникативных задач. Дальнейшая разработка данной проблемы видится в создании конкретных педагогических условий, восполняющих выявленные пробелы, и в соответствующей переориентации профессиональной подготовки учителей иностранного языка.

Литература:

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. — М.: Академия, 2018.

3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. — М.: АРКТИ, 2003.
4. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», Cambridge University Press, 2001.
5. Миролюбов А.А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. — Обнинск: Титул, 2010.
6. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — М.: Просвещение, 1991.
7. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. — М.: Филоматис, 2010.
8. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996.
10. Gairns R., Redman S. Working with Words: A Guide to Teaching and Learning Vocabulary. — Cambridge University Press, 1986.
11. Harmer J. The Practice of English Language Teaching. — Pearson Longman, 2015.
12. Thornbury S. How to Teach Vocabulary. — Pearson Education Limited, 2002.

Нейропсихологические игры как средство развития высших психических функций на логопедических занятиях с детьми с ОВЗ

Федорова Анна Сергеевна, студент магистратуры

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Челябинск)

В статье обосновывается целесообразность интеграции нейропсихологических игр в структуру логопедических занятий с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Ключевые слова: нейропсихологические игры, высшие психические функции, логопедические занятия, дети с ОВЗ, межполушарное взаимодействие, произвольная регуляция.

Современная специальная педагогика и логопедия находятся в поиске интегрированных подходов, позволяющих преодолевать полимодальные нарушения у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Речевые расстройства у данной категории детей редко носят изолированный характер; они часто сопряжены с недостаточностью высших психических функций (ВПФ): восприятия, внимания, памяти, мышления [1]. Такой системный характер нарушений требует комплексного воздействия, адресованного не только симптомам, но и их нейропсихологическим механизмам.

В этом контексте нейропсихологический подход, основанный на теории системной динамической локализации ВПФ А. Р. Лuria, предполагает действенный инструментарий. Логопедическое занятие традиционно нацелено на коррекцию речевых компонентов. Однако включение в его структуру нейропсихологических игр — специально организованных видов активности, направленных на оптимизацию работы различных блоков мозга, позволяет создать мощный поддерживающий фундамент для речевого развития. Такие игры, обладая мотивационной привлекательностью для ребенка, целенаправленно стимулируют те мозговые структуры и функциональные связи, дефицит которых лежит в основе многих речевых и когнитивных трудностей.

Согласно нейропсихологической модели А. Р. Лuria, мозговая организация психических функций обеспечивается тремя взаимосвязанными блоками:

1. Блок регуляции тонуса и бодрствования (глубинные структуры, лимбическая система). Его недостаточность проявляется в быстрой утомляемости, колебаниях внимания, эмоциональной лабильности.
2. Блок приема, переработки и хранения информации (задние отделы коры). Его дисфункция приводит к трудностям зрительного и слухового восприятия, нарушениям зрительно-пространственных представлений, дефицитам фонематического слуха.
3. Блок программирования, регуляции и контроля (префронтальные отделы коры). Его несформированность выражается в импульсивности, трудностях планирования действий, нарушениях произвольного внимания и контроля, сбоях в грамматическом структурировании высказывания [2].

Речевая деятельность является одной из наиболее сложных психических функций и требует слаженной работы всех трех блоков мозга. Например, для построения развернутого высказывания необходимы: устойчивое внимание и оптимальный тонус (1-й блок), богатый словарь и четкие пространственно-временные схемы для согласования слов (2-й блок), а также внутренний план, выбор стратегии высказывания и самоконтроль за речью (3-й блок).

Следовательно, целенаправленное развитие ВПФ через нейропсихологические игры создает благоприятные предпосылки для преодоления речевых нарушений.

Классификация и содержание нейропсихологических игр в логопедической практике

Нейропсихологические игры, адаптированные для логопедических занятий, можно классифицировать в соответствии с целевым блоком мозга и разрабатываемой функцией.

1. Игры для первого блока (энергетизация и регуляция тонуса):

- «Морские волны»: Дети по команде «Штиль» замирают, по команде «Волна» — медленно раскачиваются, «Шторм» — активно двигаются. Игра развивает произвольную регуляцию мышечного тонуса и способность переключаться по речевому сигналу.
- Дыхательные игры с движением: «Надуваем шарик» — медленный вдох с разведением рук, «Сдуваем шарик» — выдох со звуком [с] или [ш], сводя руки. Нормализует дыхательный ритм, необходимый для речи.

2. Игры для второго блока (сенсомоторная интеграция):

- Различные виды маршировок.
- «Зеркальное рисование»: Ребенок рисует одновременно двумя руками симметричные фигуры (круги, восьмерки). Развивает зрительно-моторную координацию и пространственные представления, участвующие в усвоении графем.
- «Где звенит?»: Логопед перемещает звучащий предмет, ребенок с закрытыми глазами указывает направление звука. Тренирует слуховое внимание и локализацию звука в пространстве.

3. Игры для третьего блока (программирование и контроль):

- «Делай наоборот»: Логопед дает инструкции («Подними руки»), а ребенок должен выполнить противоположное действие (опустить руки). Игра развивает функцию торможения и сознательного контроля.
- «Последовательность действий»: Ребенку предлагается запомнить и воспроизвести серию из 3–4 двигательных инструкций.
- «Графические диктанты» и лабиринты: выполнение заданий по устной инструкции («две клетки вправо, одна вниз»). Формирует внутренний план действия, произвольное внимание и пространственную ориентацию.

Нейропсихологические игры не являются случайным элементом, а логично вплетаются в логопедическое занятие:

1. Вводная часть. Игры для поддержания функций и первого и второго блоков мозга. Цель — мобилизовать внимание, нормализовать тонус, настроить на работу.
2. Основная часть. Игры, соответствующие цели этапа. Например, при работе над звуком — игры на слуховой гноэзис и межполушарное взаимодействие.
3. Заключительная часть. Игры на релаксацию и положительную саморегуляцию, способствующие закреплению состояния успеха.

Таким образом, нейропсихологические игры представляют собой эффективное средство, которое позволяет логопеду воздействовать на глубинные нейропсихологические факторы речевых нарушений у детей с ОВЗ. Целенаправленное развитие энергетического, информационного и регуляторного блоков мозга через игровую деятельность создает прочную функциональную базу для становления всех компонентов речи: фонетико-фонематического, лексико-грамматического и связного высказывания.

Литература:

1. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. — СПб.: Питер, 2019. — 320 с.
2. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие. — М.: Академия, 2013. — 384 с.
3. Семенович А. В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. — М.: Генезис, 2015. — 474 с.
4. Филичева Т. Б., Чиркина Г. В. Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 224 с.
5. Цветкова Л. С. Методика нейропсихологической диагностики детей. — М.: Педагогическое общество России, 2002. — 128 с.

Мастер-класс по декоративно-прикладному искусству как эффективная форма развития творческих способностей личности

Хайруллова Эмма Радиковна, педагог дополнительного образования;
Валишина Диана Айдаровна, заведующий методическим отделом
МБУ ДО «Центр детского творчества «Детская академия» г. Казани»

В статье анализируется роль мастер-класса в системе дополнительного образования как инструмента активизации творческого потенциала. Рассматривается специфика декоративно-прикладного искусства, способствующая развитию мелкой моторики, эстетического вкуса и креативного мышления. Автор обосновывает эффективность краткосрочных интенсивных занятий для формирования ситуации успеха.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, мастер-класс, творческие способности, арт-педагогика, дополнительное образование.

В условиях стремительной цифровизации общества и преобладания виртуальных форм досуга возрастает потребность в деятельности, возвращающей человека к материальному созиданию. Творческие способности — это не просто талант к рисованию или лепке, это интегративное качество личности, позволяющее находить нестандартные решения в любых жизненных ситуациях. Развитие этих способностей является одной из ключевых задач современной педагогики.

Особое место в этом процессе занимает декоративно-прикладное искусство (ДПИ). Оно сочетает в себе эстетическое начало и практическую пользу, позволяя преобразовывать окружающую среду своими руками. Наиболее динамичной и востребованной формой трансляции опыта в сфере ДПИ на сегодняшний день является мастер-класс.

Творческие способности определяются психологами (Л. С. Выготский, Д. Б. Богоявленская) как способность к созданию субъективно или объективно нового продукта. Основными компонентами креативности выступают: беглость мышления — способность генерировать большое количество идей; гибкость — умение переключаться с одной идеи на другую; оригинальность — способность выдвигать идеи, отличающиеся от очевидных; эмоциональность — способность сопереживать материалу и образу.

Мастер-классы по ДПИ задействуют все эти компоненты. Работая с материалом, участник вынужден постоянно принимать решения: какой цвет вы-

брать, какую фактуру нанести, как исправить возникшую ошибку, превратив её в художественный эффект.

Мастер-класс — это открытая педагогическая форма, предполагающая передачу практического опыта от мастера к ученикам в режиме реального времени. В отличие от традиционного урока, мастер-класс обладает следующими преимуществами для развития творчества:

1. Алгоритмизация и свобода. Мастер дает четкую технологию, но конечный результат всегда индивидуален. Это создает баланс между дисциплиной и самовыражением.

2. Ситуация успеха. За ограниченное время (1,5–3 часа) участник создает готовое законченное изделие. Осязаемый результат подкрепляет уверенность в собственных силах, что критически важно для развития творческой смелости

3. Интенсивность погружения. Концентрация на одном процессе позволяет войти в состояние «потока», в котором творческая энергия реализуется максимально полно.

4. Интерактивность. Постоянный диалог с мастером и наблюдение за работой других участников расширяют границы восприятия.

Каждое направление ДПИ вносит свой вклад в развитие личности. Например, создание интерьерных свечей работает с обонянием и тактильностью. Ароматы эфирных масел и тепло воска создают медитативное состояние, способствующее рефлексии.

Работа с текстурной пастой и мастихином — современное направление, которое позволяет «чувствовать» объем. Здесь развитие творческих способностей идет через эксперимент с рельефом. Участник учится видеть свет и тень, передавать настроение через грубые мазки или плавные линии. Это развивает не только мелкую моторику, но и абстрактное мышление.

Важным аспектом является синкретизм — связь ДПИ с другими видами искусства. Например, на мастер-классах часто используется музыкальное сопровождение, которое задает ритм. Для педагога художественного отдела, обладающего вокальными навыками, открывается возможность уникального воздействия на аудиторию через звук и визуальный образ одновременно.

Для того чтобы мастер-класс не превратился в простое копирование действий педагога, необходимо соблюдение ряда условий: демократическая атмосфера (участник должен чувствовать себя соавтором, а не просто исполнителем); эстетичность пространства (окружающая обстановка, качественные материалы и профессиональный инструментарий мастера формируют высокий эталон вкуса); индивидуальный подход (мастер должен уметь вовремя за-

метить оригинальное решение ученика и поддержать его, помогая развить авторскую задумку).

Мастер-классы по ДПИ часто выполняют роль арт-терапии. В процессе творчества происходит снятие эмоциональных зажимов, гармонизация внутреннего состояния. Для детей это способ преодоления страхов перед «белым листом» или ошибкой. Совместное создание предметов искусства формирует общие ценности и культурную среду.

Развитие творческих способностей через мастер-классы по ДПИ является эффективным и современным подходом в педагогике. Данная форма обучения позволяет объединить технологическое мастерство и полет фантазии, обеспечивая быстрый и качественный результат.

Через тактильный контакт с материалом, изучение традиций и внедрение инновационных техник участники мастер-классов не только осваивают новые навыки, но и раскрывают свой внутренний потенциал, обретают уверенность и развиваются эстетический взгляд на мир. Роль педагога-мастера при этом трансформируется из простого ретранслятора знаний в наставника и вдохновителя, создающего условия для рождения нового творца.

Литература:

1. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. — М.: Смысл, 2019. — 448 с.
2. Богоявленская, Д. Б. Психология творческих способностей / Д. Б. Богоявленская. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 320 с.
3. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. — СПб.: Союз, 1997. — 96 с.
4. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. — М.: ИНТОР, 1996. — 544 с.
5. Ермолаева-Томина, Л. Б. Психология художественного творчества / Л. Б. Ермолаева-Томина. — М.: Академический Проект, 2003. — 304 с.
6. Зиновьева, Л. С. Мастер-класс как форма передачи педагогического опыта / Л. С. Зиновьева // Методист. — 2012. — № 5. — С. 44–46.
7. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2009. — 448 с.
8. Ковалева, Т. М. Антропологический взгляд на современные образовательные технологии / Т. М. Ковалева // Школьные технологии. — 2011. — № 3. — С. 61–65.

9. Лебедева, Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л.Д. Лебедева. — СПб.: Речь, 2003. — 256 с.
10. Неменский, Б. М. Педагогика искусства / Б. М. Неменский. — М.: Просвещение, 2012. — 240 с.
11. Пономарев, Я.А. Психология творчества / Я.А. Пономарев. — М.: Наука, 1976. — 303 с.
12. Савенков, А. И. Психология детской одаренности / А. И. Савенков. — М.: Генезис, 2010. — 448 с.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная

Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова

Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 03.02.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 4,9.

Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,

Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.